

Н. И. Ф Е Л Ъ Д М А Н

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

изд

ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Н. И. Ф Е Л Ъ Д М А Н

ЯПОНСКИЙ
ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

1 9 6 0

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Н. И. Фельдман «Японский язык» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом востоковедения Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагалог (на Филиппинах), корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, пехлеви, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов — не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им

высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: «Москва, Армянский пер., 2. Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Японский язык является родным языком японцев, населяющих Японские о-ва. Общее число говорящих здесь на японском языке составляет около 90 млн. Этот язык остается родным у японцев, проживающих на о-вах Рюкю, а также в японских эмигрантских поселениях в Бразилии (380 тыс.), на Гавайских о-вах (200 тыс.) и в США (200 тыс.). В Бразилии и на Гавайских о-вах на японском языке издается периодическая пресса и ведется радиовещание. Как неродной японский язык понятен и употребителен среди айнского населения о-ва Хоккайдо (16 тыс.) и коренного населения о-вов Рюкю (800 тыс.).

§ 2. Первые исторически зафиксированные данные о японцах относятся к тому периоду, когда они уже заселяли Японские о-ва. Предположения о миграции японцев высказываются не историками, а археологами и антропологами и только в порядке гипотез. Поэтому проблему родственности японского языка с каким-либо иным можно исследовать, только учитывая особенности самого языка. Два момента — письменность и обширный слой заимствованной лексики — подтверждают связи японского языка с китайским, однако и то и другое — заимствования, происшедшие в историческое время (в основном с VII в.), когда японская культура находилась под глубоким и всесторонним воздействием китайской. Никакой общности корневого состава в слове исконно японской лексики и никакого сходства в грамматическом строе между японским и китайским языками нет.

Несомненно родственным японскому является язык коренного населения о-вов Рюкю. В науке имеются два различных взгляда на этот язык. Многие японские лингвисты (Тодзё Мисао, Андо Масацугу)¹ отрицают его самостоятельность и

¹ 東條操, 國語の方言區劃, 1927; 安藤正次, 古代國語の研究, 1924; (имена всех японских авторов даны в последовательности, принятой в Японии: на первом месте фамилия, на втором — имя).

видят в нем группу диалектов, сопоставляемую с собственно японскими диалектами. Другие исследователи (Чемберлен, Хаттори Сиро)² считают рюкюский и японский родственными языками, восходящими к общему источнику.

Более ста лет предметом изучения являются связи японского языка с корейским (в XIX в. Астон, в XX в. Окура Симпэй, Канадзава Сёдзабуро³ и др.). Установлено всестороннее сходство грамматического строя и близость типов словообразования. Корневая общность прослежена для 200 корней (в том числе нескольких указательных и личных местоимений и нескольких энклитических частиц). Неясно, следует ли объяснять все двести случаев корневой общности генеалогическим родством, так как исторически известны весьма ранние связи Японии с Кореей и переселение в Японию групп корейцев, ввиду чего не исключена возможность введения в японский язык ряда корейских слов в порядке заимствования (именно таким путем в него вошло около десятка китайских слов, которые, в отличие от десятков тысяч позднейших заимствований, смешались с исконной японской лексикой). Во всяком случае, анализ грамматических морфем и фонетических явлений пока не выявил непосредственного генеалогического родства японского и корейского языков. К тому же, как известно, и место корейского языка в системе языков мира неясно.

Имеются исследования, подтверждающие соображения об отнесении японского языка к урало-алтайским (Рамстедт, Хаттори Сиро, Фудзиока Кацудзи)⁴. Последние тридцать лет известное внимание стало уделяться также гипотезам, утверждающим общность субстрата японского языка с малайско-полинезийскими (Лаббертон, Ваймант, Хориути Бункити, Цубои Кумадзо)⁵, с тибето-бирманскими языками

² H. Chamberlain, *Essay in aid of a grammar and dictionary of the Luchuan language*, Transactions of Asiatic Society of Japan, vol. XXIII, Supplement, 1895; 服部四郎, 日本語の系統, 日本民族, 1952年, 6月.

³ W. G. Aston, *A comparative study of the Japanese and Korean languages*, Journal of Royal Asiatic Society, 1879; 小倉進平, 朝鮮語と日本語, 國語科學講座, 1934; 金澤庄三郎, 日韓兩國語關係論, 1910.

⁴ G. L. Ramstedt, *A comparison of the Altaic languages with Japanese*, T. A. S. J. 2nd series, vol. I, 1924; 服部四郎, 日本語と琉球語, 朝鮮語, アルタイ語との親族關係, 民族研究, 一三の二, 1948; 藤岡勝二, 日本語の位, 國學院雜誌14卷11號, 1907.

⁵ D. Van Hinloopen Labberton, *The Oceanic languages and the Nipponese as branches of the Nippon-Malay-Polynesian Family of speech*, T. A. S. J. 2nd series, vol. II, 1925; A. Neville, Y. Whyman, *The Oceanic theory of the origin of the Japanese language and people*, T. A. S. J. 2nd series, vol. III, 1926; 堀内文吉, 日本及び汎太平洋民族の研究, 1927; 坪井久馬三, 我國語國民の曙, 1927.

(Паркер)⁶, с языками аустроазиатскими и мон-кхмер (Матсумото Нобухиро)⁷, таи (Пржилуцкий)⁸, однако никаких серьезно подтвержденных результатов не получено.

§ 3. Число диалектов японского языка соотносительно с размерами территории Японии значительно. Диалекты собственно Японии подразделяются на три большие группы: восточной Японии, западной Японии и о-вов Кюсю (южной Японии). В основе современного национального литературного языка лежит центральный диалект первой группы — токиоский, однако с примесью элементов из центрального диалекта второй группы — района Кинай. В целом современный литературный язык представляет собой общенациональную норму, уже не совпадающую с нынешним реально существующим местным диалектом Токио-Йокогама. Произносительная норма полностью основана на токиоском диалекте (см. раздел «Фонетика»). Диалектные различия касаются фонетики, лексики и ряда грамматических форм. Различия грамматического характера представляют собой наиболее четкий критерий подразделения на группы. В табл. 1 приводятся важнейшие из этих различий для характеристики их самих, а также некоторых элементов, которые вошли в общенациональный язык из разных диалектных групп.

Таблица 1
Основные грамматические различия по группам диалектов*

Грамматическая форма	Диалекты		
	восточной Японии	западной Японии	о-вов Кюсю
Основная 3-я (в древнем языке 4-я) форма глаголов с окончанием эру**	симэру***	симэру	симуру****

*В таблице приведены формы глаголов *мисэру* 'показывать', *окиру* 'вставать', *маку* 'сеять', *суру* 'делать', прилагательного *сиро* 'белый, бел' и связки *га*.

** См. § 34 и 35.

*** Является общенациональной нормой.

**** Было нормой в древнем и классическом письменном языке.

⁶ C. K. Parker, *A dictionary of Japanese compounds verb*, 1939; частичный японский перевод под названием 日本語と西蔵緬甸語同系論, 1941.

⁷ Matsumoto Nobuhiro, *Le Japonaise et les langues austroasiatiques. Etude de vocabulaire comparée*, Austro-Asiatica I, Paris, 1928; 松本信廣, 日本語と南洋との關係, 民族學研究, 一三の二, 1948.

⁸ Pszylluski, *Le Sino-tibetien, Les langues du monde*, Paris, 1924.

Грамматическая форма	Диалекты		
	восточной Японии	западной Японии	о-вов Кюсю
Повелительная форма глаголов с окончанием <i>иру</i>	окиро*	оки, окиё	окиро*, окиё*
Форма предположительного настоящего-будущего	макубэ, окибэ, оки- рубэ	мако:*, окиё:*	мако:, окиё:
Отрицательная форма	маканай*, синай*	макан, макахэн, сэн, сяхэн	макан, сэн
Отрицательная форма в прошедшем времени	маканакат- та*	макананда, маканкат- та	макадзат- та, макан- катта, ма- кандзятта
Форма прошедшего времени глаголов с окончанием <i>у</i> после гласного	омотта*	омо:та**	омо:та
Вспомогательный глагол длительного вида	иру*	ору	ору
Определительная и сказуемая форма предикативных прилагательных	сирой*	сирой	сирока
Наречная форма предикативных прилагательных	сироку*	сиро:***	сиро:
Связка	да*	я, дзя	да, дзя
Форма предположительного будущего связи	дамбэ, дара	яро:, дзя- ро:, даро	дзяро:, даро:

* Является общенациональной нормой.

** Имеет распространение в общенациональном языке как диалектизм.

*** Является общенациональной нормой в сочетании с вежливой связкой *годзаимасу*.

§ 4. Первая письменность, известная в Японии, — китайская иероглифическая, — заимствовалась японцами на протяжении VI—VIII вв. Приспособление этой чужой письменности для записи своего языка длилось несколько веков. Иероглифы заимствовались вместе с китайскими словами, ими обозначавшимися, т. е. вместе с присвоенным им звучанием, ко-

торое изменялось соответственно фонетике японского языка: во-первых, отсутствующие в японском языке фонемы заменялись другими, например *шуй* > *суй*, *ли* > *ри*; во-вторых, в соответствии с законом открытых слогов, к китайским словам, оканчивавшимся на согласный (кроме *н*), добавлялись гласные *и* или *у*, например *zidk* (современное *ши*) > *seki* (современное тоже *сэки*), *rwat* (современное *ба*) > *pat* > *fatu* (современное *хацу* или *хату*). Сначала иероглифы употреблялись фонетически для записи японских слов, и на основе такого употребления в VIII в. была выработана слоговая фонетическая азбука — *кан*.

§ 5. Кана существует в двух графических формах: *катакана*, буквы которой представляют собой сокращение соответствующего омонимичного иероглифа с использованием одной его графической части, и *хирагана*, буквы которой являются скорописным начертанием соответствующего омонимичного иероглифа в целом. Алфавит каны состоит из 48 букв; первоначально их было 50, затем прибавилась 51-я — *ゝ*, *ん*, но в новое время три отпали, так как из языка исчезли соответствующие слоги; по той же причине при орфографической реформе 1946 г. были исключены еще два знака. Знаки каны еще в IX в. были сведены в таблицу с перекрестным расположением; этот алфавит носит название *годзюон* (пятьдесят звуков). Порядок расположения согласных в этом алфавите (табл. 2) соответствует порядку санскритского алфавита *деванагари*. Кроме того, существует древний стихотворный алфавит *ироха*. Последовательность расположения букв в алфавите *годзюон* применяется в словарях и справочниках, *ироха* — при перечислении взамен нумерации.

Катакана обязательна в печати и письме для транскрипции слов и имен, заимствованных из европейских языков; из специальных изданий применяется в книжках для детей (до 1946 г. *катакана* была обязательна во всех официальных текстах); в рукописном письме применяется для телеграмм; имеет и другие необязательные применения. Обычной графической формой общей печати является *хирагана*, она же применяется в рукописном письме (где отдельные буквы имеют еще варианты формы — *хэнтайгана*, как правило, в печати не применяющиеся).

§ 6. Иероглифы заимствовались не только с присвоенным им звучанием, но и с их значением — сочетание этих элементов получило название «он» (букв.: 'звук', 'звучание'); благодаря этому в японский язык вошло огромное число составленных из «он'ов», т. е. фонетически японизирован-

Таблица 2
Алфавит кана-гокююн*

ん	わ	ら	や	ま	は	な	た	さ	か	あ	ア
ん	wa	ra	ya	ma	ha	na	ta	sa	ka	a	a
い	ゐ	り		み	ひ	に	ち	し	き	い	イ
	wa	ri		mi	hi	ni	chi (ti)	shi (si)	ku	u	い
		る	ゆ	む	ふ	ゆ	つ	す	く	う	ウ
		ru	yu	mu	fu (hu)	ny	tsu (tu)	cy	ku	y	う
	ゑ	れ		め	へ	ね	て	せ	け	え	エ
	wa	re		me	he	ne	te	se	ke	e	え
を	を	ろ	よ	も	ほ	の	と	そ	こ	お	オ
を	wa	ro	yo	mo	ho	no	to	so	ko	o	о

* Справа — катакана, слева хирагана; под буквами каны дана практическая русская транскрипция, под ней — практическая латинская транскрипция, так называемая старая; в скобках новая, «государственная» для тех букв, которые расходятся со старой (так же и в табл. 3 и 4).
** Исключены орфографической реформой 1946 г.

ных, китайских слов, которые записывались соответствующими иероглифами. Кроме того, значение иероглифов раскрывалось, разъяснялось при помощи японских слов, которые тоже закреплялись за иероглифами под названием «кун» как пояснение их значения, а затем и обозначались ими на письме. Современная система японского письма сложилась на основе соединения двух принципов — фонетического и идеографического — и представляет собой смешанную идеографически-фонетическую систему, именуемую кандзи-кана-мадзирibun, в которой для написания разных разрядов слов используются разные типы письма.

Первый тип — чисто фонетическое письмо, средствами которого являются кана и — очень ограниченно — иероглифы. Это единственный способ записи весьма небольшого числа знаменательных чисто японских слов, например もつと *мотто* 'более', почти всех частиц, например さえ *саэ* 'даже', и слов, заимствованных из европейских языков, например イシキ *инки* 'чернила', а в настоящее время и большинства европейских и американских географических наименований. Последние два разряда раньше писались преимущественно фонетически использованными иероглифами, например 印度 *индо* 'Индия', но за последние десятилетия их почти полностью вытеснила кана. Кроме того, каной может быть написано (и в последние десять лет нередко пишется) любое слово японского языка.

Второй тип — идеографическое письмо: это написание иероглифом чисто японского слова; так традиционно пишется большинство чисто японских существительных, местоимения и часть наречий, например: 水 *мидзу* 'вода', 印 *сириси* 'знак'.

Третий тип — фоно-идеографическое письмо, в котором иероглиф одновременно используется и по звучанию, и по значению; этот тип письма представлен в традиционном написании слов — имен существительных и числительных, — образованных из «он'а» или «он'ов», например: 印 *ин* 'оттиск', 'печать', 海水 *кайсуй* 'морская вода', 五 *го* 'пять'.

Четвертый тип — комбинированное идеографически-фонетическое письмо, при котором слово пишется идеографически использованным иероглифом в сочетании со знаками каны, которая уточняет, какое именно слово (если иероглиф обозначает два или больше слов) и какая форма слова (если слово имеет несколько форм) в данном случае обозначается на письме. Так традиционно пишутся японские и смешанные глаголы и имена прилагательные, японские имена числительные и часть наречий, например: 好む *ко-*

ному 'любить', 好く *ёку* 'хорошо', 投ずる *то:дзуру* 'бросать', 投げた *наэнта* 'бросил', 五つ *ицццу* 'пять'.

Наконец, в последние десять лет в связи со стремлением лимитировать употребление иероглифов (в 1948 г. официально установлен лимит в 1800 знаков, до этого фактически употреблялось около 4000) получил известное распространение еще и другой тип механически комбинированного письма, состоящий в том, что при написании слова, составленного из двух или трех «он'ов», один из них пишется иероглифом, другой — каной, например: 推せ^ン (вместо 推薦) *суйсэн* 'рекомендация'.

§ 7. В 80-х годах XIX в. в Японии была выработана латинская транскрипция. Участием в ее выработке английских японоведов объясняется применение в транскрипции буквы *j*, биграмм *sh*, *ch* в их английском произношении (см. табл. 2). В 20-х годах XX в. были выработаны две новые латиницы — «государственная» и «японская» (в отличие от последних двух первую часто называют «старой»): они устраняют эти особенности, однако до настоящего времени наиболее распространенной является старая латиница. Она применяется почти во всех японских двуязычных словарях, в выпускаемой в Японии литературе на английском языке — в газетах, справочниках, путеводителях — для транскрипции японских имен и названий, встречается и в быту — на некоторых вывесках, в объявлениях и т. п.

ФОНЕТИКА

§ 8. По некоторым основным вопросам фонетики японского языка до сих пор нет единства мнений.

Несомненная и характерная черта японской фонетики — большая ограниченность и стабильность слогового состава — причина того, что до сих пор существуют разногласия по вопросу о том, звук или слог является основной фонетической единицей. Все же теория слогофонемы, которую сейчас поддерживает, например, такой видный японский фонетист, как Хамада Ацуси⁹, отвергается и большей частью японских специалистов, и в советском японоведении.

При описании звукового состава обычно используют токиоский диалект. Крупнейший современный японский фонетист Хаттори Сиро при этом оговаривает, что под токиоским диалектом имеется в виду речь интеллигентного слоя

⁹ 演田敦・音韻體系, 現代國語學, I, 1958.

г. Токио (район Яманотэ), от которой просторечие отличается произнесением *ʃ* вместо *h'*.

Согласно теории Хаттори, состав фонем японского языка (токиоского диалекта) следующий¹⁰:

Согласные: *h', k, g; p, b; t, d; c, z; s; r; ʋ, m, n*.

Полугласные: *j, ʋ*.

Гласные: *i, e, a, o, u*.

Морообразующие: *N, Q*.

Эти фонемы характеризуются им следующим образом¹¹:

{ глухие <i>h, k, p, t, c, s</i> звонкие <i>ʋ, g, b, d, z, r</i>	{ взрывные <i>g, b, d</i> носовые <i>ʋ, m, n</i>
{ «мягкие» (<i>mellow</i>) <i>t, d</i> «скрипучие» (<i>strident</i>) <i>c, z</i>	{ «глубокие» (<i>compact</i>) <i>k, g, ʋ, e, o, a</i> «мелкие» (<i>diffuse</i>) <i>t, p, d, b, m, n, i, u</i>
{ аффрикаты <i>c</i> фрикативные <i>s</i>	{ «темные» (<i>grave</i>) <i>p, k, b, g, m, ʋ, ʋ, u, o</i> «светлые» (<i>acute</i>) <i>t, d, n, j, i, e</i>
{ взрывные <i>d</i> дрожащие <i>r</i>	{ «тупые» (<i>flat</i>) <i>o, u, ʋ</i> средние <i>a</i> «острые» (<i>sharp</i>) <i>e, i, j</i>

Спорными являются следующие вопросы.

В советском японоведении признается наличие мягких (палатализованных) согласных как отдельных фонем. Особенности произношения мягких параллелей *s, t, z* позволяют считать их особыми фонемами *ʃ, tʃ, ʒ*. В новейших (50-х годов) японских работах эти три фонемы признаны Хамада Ацуси.

В некоторых японских работах 30-х годов и ряде советских фонемами признаются долгие гласные, а также дифтонги; соответственно фонема *ʋ* не отмечается, в

¹⁰ 服部四郎・『日本語の』音韻, 世界言語概説, 1955, II, 日本語, 152—159頁; モーラ, 國語學辭典, 1955.

¹¹ Хаттори пользуется терминологией частично традиционной, частично Р. Якобсона, давая в этих случаях, как сделано и здесь, рядом с японскими — английские термины. В данном случае в кавычках дан перевод японских терминов, предложенных Хаттори как соответствия для английских; см. 世界言語概説, II, 153—154頁.

японских же работах 50-х годов она получила широкое признание. Хаттори характеризует ее как гортанную, аналогичную твердому приступу в немецком языке; она предваряет гласный в начале слова и в случае следования за другими гласными, например: 'ави' 'слепень', 'ка'о 'лицо', 'ко'оо 'согласованность', 'те'и'а 'глазной врач' и т. п. Гласный без такого предварения может следовать только за тождественным гласным, исключая *i*, которое может находиться за любым гласным, кроме *e*: *коокии* 'авиация', *каадо* 'карточка', *кии* 'кол' и т. п. (Заметим, что в этих случаях два таких гласных могут различаться высотой тона.)

Фонема *Q* (Арисака Хидэ¹², за ним Хамада Ацуси, обозначают ее *T*) акустически уподобляется следующему за ней согласному (какими могут быть только *k*, *s* и *j*, *t* и *tʃ*, *p*, ср. § 10). Те, кто не признает этой фонемы, определяют соответствующее явление как геминацию согласных (в большинстве более старых японских работ по фонетике) или различают двойные согласные (при наличии морфологической границы) и долгие согласные, считая последние отдельными фонемами (Н. А. Сыромятников¹³). Если видеть здесь двойные согласные, то окажется, что первый согласный — морообразующий.

Многими иностранными лингвистами и в советском японоведении признается фонема *f*, чем объясняется *f* — в старой латинице и *фу* — в русской практической транскрипции (выработанной Е. Д. Поливановым); *f* признает и Хамада. Однако Хамада считает, что *ʃ*, *iʃ*, *ʒ*, *f* — фонемы прежней стадии развития японского языка и поэтому из него исчезают.

Имеются разногласия относительно *v* и *s*: некоторые считают их не отдельными фонемами, а позиционными вариантами *g* и *t*.

Нет единства мнений относительно самого характера фонем *u*, *z*, *ʒ*, *c*; соответственно иной характеристике их обозначают *u*, *dz*, *dʒ*, *ts*.

Некоторыми авторами сочетание гласного с морообразующей фонемой *N* *h*, *ʃ*, всегда следующей после гласного, рассматривается как дифтонг. Эта фонема акустически весьма различается в зависимости от позиции; из шести ее произносительных вариантов особенно отчетлив один: *N→m* перед *m*, *b*, *p*: только этот вариант часто находит отражение в латинской транскрипции (см., например,

¹² 有坂秀世・音韻論, 1940.

¹³ Н. А. Сыромятников. Система фонем японского языка, Ученые записки Института востоковедения, т. IV, 1952, стр. 278—354.

японско-английские словари Иноуэ, Такэхара, Такэнобу) и иногда используется японцами также и в японской графике для написания имеющегося в единичных словах так называемого слогового *m*: *тта* 'лошадь' — *ん* *ㄱ* (традиционная орфография *う* *ㄱ* — *ута*)¹⁴.

Ввиду таких разногласий представление о самом числе фонем в японском языке у разных авторов весьма различно, например, Хаттори Сиро считает, что их 24, Н. А. Сыромятников — 55.

§ 9. Сочетаемость согласных с гласным в японском языке ограничена: 1) все согласные входят в мору, только предшествуя гласному; 2) не всякий согласный сочетается с любым гласным: со всеми гласными сочетается только *ʃ*; со всеми, кроме *i*, — *g*, *k*, *b*, *p*, *v*, *n*, *m*, *r*, *z*, *s*; со всеми гласными, кроме *e*, — все мягкие; *h* образует моры *ha*, *he*, *ho*; *j* — только *ju*; *d* — моры *de*, *da*, *do*; *t* — моры *te*, *ta*, *to*; *c* — только *cu*; *j* образует моры *ja*, *jo*, *ju*; *w* — только *wa* (ср. § 10).

Употребление некоторых фонем ограничено их позицией в слове: *g* встречается в начале слова, а также в сложных словах в начале компонента, употребляющегося как отдельное слово: *gaman* 'терпение', *h'akugo* 'сто пять'; *v*, наоборот, в начале слова не встречается. Морообразующая фонема *N* возможна только после гласного; морообразующая *Q* возможна только после гласного, в единичных случаях — после *N*, непременно перед согласным (поскольку *Q* — обозначение геминации).

Существуют разные точки зрения на соотношение моры и слога, а также на долгие гласные (иначе говоря, стечение двух кратких): некоторые различают мору и слог и соответственно видят здесь две моры, но один слог (например, Хаттори Сиро, Н. А. Сыромятников, с разной мотивировкой); другие (Арисака Хидэ, Киндаити Харухико)¹⁵ отождествляют мору и слог и видят здесь две моры и два слога (тоже с разной мотивировкой). В стихах метр основан на счете мор.

§ 10. В заимствованных, преимущественно из английского языка, словах встречаются сочетания фонем, которых нет в общелитературном языке (но некоторые имеются в диалектах): долгие звонкие, например: *baggu* (англ. *bag*), *beddo* (*bed*), *bobbu-hea* — (*bob* + *hair*); моры *di* — *biruding* (*building*), *ti* — *miittingu* (*meeting*), *fa* — *fan* (*fan*), *fi* — *fiida* (*feeder*), *fe* — *feruto* (*felt*), *fo* — *foa* (*four*) 'четверка — лодка', *wi* — *windoo*

¹⁴ См. 金田一京助・明解國語辭典, 1949, стр. 1090.

¹⁵ 金田一春彦・日本語のアクセント, 現代國語學, I, 1958.

(window), *we* — *weebu* (wave), *wo* — *korudo-woo* (cold war); *je* — *seekaa* (shaker), *je* — *daizesuto* (digest), *tje* — *tjeaman* (chairman); *ca* — *caitogasuto* (нем. *zeitgeist*), *ce* — *cecebae* (англ. *cece* + яп. озвонченное *hae* — 'муха').

§ 1. Из устойчивых фонетических явлений, обнаруживающихся в речи, надо отметить следующие:

1) *i* редуцируется между некоторыми согласными (*k*, *s*, *ʃ*, *t*, *tʃ*, *c*, *f* до и после *u*), а также факультативно в конце слова и в конце первого из компонентов в сложном слове; в отдельных случаях редукция может доходить до полного исчезновения, например ふたつ 'два' правильнее произнести *ʃtacu*, чем *ʃutacu*; в связке *des[u]*, в глагольных окончаниях *mas[u]* и *n[u]*, в разговорной речи (но не в пении) *u* исчезло;

2) *i* редуцируется между указанными выше согласными (с той разницей, что перед *i* возможно не *f*, а *h*), например в слове *hito* (*xūmo*) 'человек'.

§ 12. Ударение в японском языке выражается в различии относительной высоты тона. Повышение тона может распространяться как на одну мору, так и на несколько. Относительно роли повышения и понижения тона единства взглядов нет. Некоторые (например, Сакума Канаэ¹⁶, Киндаити Харухико) считают существенным весь рисунок голосовой мелодии; другие (например, Хаттори Сиро) — только наличие или отсутствие так называемого ядра ударения, т. е. высокого слога, за которым следует низкий. В токиоском диалекте первые две моры непременно различаются по тону, т. е. слово может начинаться как с высокого, так и с низкого тона, а со второй моры начинается соответственно понижение или повышение. При этом повышение может смениться понижением, но понижение всегда длится до конца слова. В других диалектах имеются иные типы распределения повышения и понижения. В речи в словосочетаниях место повышения может меняться или исчезать, например *joi hon* 'хорошая книга' произносится с повышением только на *jo*, тогда как изолированно высокими тонами в этих словах являются *jo* и *ho*. Как указывает Хаттори, в японском языке, в речи, в отличие от интонации и эмфазиса, такое ударение не имеет отношения к смыслу. Киндаити пишет: «Японское ударение очень просто, и, учитывая, что в диалектах оно чрезвычайно различно, не играет важной роли в речевом общении. И в поэзии, в мелодике стиха оно не используется»¹⁷.

Некоторые исследователи считают, что повышенный слог,

¹⁶ 佐久間鼎・日本音聲學, 1929.

¹⁷ См. 現代國語學, I, 93—94頁.

несущий «ядро ударения», связан с силовым ударением. (Хаттори Сиро; на соединение в токиоском диалекте музыкального ударения с силовым первый указал Е. Д. Поливанов¹⁸). Киндаити утверждает, что исчезновение типа слов с ровным тоном можно считать предвестием превращения музыкального ударения в силовое.

§ 13. Как видно из алфавита годзюон, буквы каны обозначают далеко не все фонемы и моры японского языка. Для обозначения слогов с другими согласными применяются диакритические знаки и условные комбинации букв (табл. 3, 4).

Таблица 3

Обозначение слогов со звонкими согласными и с *p*

パ <i>pa</i> <i>pa</i>	バ* <i>ba</i> <i>ba</i>	ダ <i>da</i> <i>da</i>	ザ <i>za</i> <i>za</i>	ガ <i>ga</i> <i>ga</i>
ピ <i>pi</i> <i>pi</i>	ビ <i>bi</i> <i>bi</i>	ヂ <i>dzi</i> <i>ji (zi)</i>	ジ <i>dzi</i> <i>ji (zi)</i>	ギ <i>gi</i> <i>gi</i>
プ <i>pu</i> <i>pu</i>	ブ <i>bu</i> <i>bu</i>	ヅ <i>du</i> <i>zu</i>	ズ <i>du</i> <i>zu</i>	グ <i>gu</i> <i>gu</i>
ペ <i>pe</i> <i>pe</i>	ベ <i>be</i> <i>be</i>	デ <i>de</i> <i>de</i>	ゼ <i>ze</i> <i>ze</i>	ゲ <i>ge</i> <i>ge</i>
ポ <i>po</i> <i>po</i>	ボ <i>bo</i> <i>bo</i>	ド <i>do</i> <i>do</i>	ゾ <i>zo</i> <i>zo</i>	ゴ <i>go</i> <i>go</i>

*В древнем японском языке вместо *h* имелось *p*; поэтому буквы данного столбца использованы для обозначения слогов с *b*. Диакритический знак для обозначения *p* стал применяться с XVII в.

¹⁸ Е. Д. Поливанов, Музыкальное ударение в говоре Токио, Известия Имп. Академии Наук, серия VI, т. IX, № 15, 1915.

Таблица 4

Обозначение слогов с мягкими согласными

ピ +	ビ +	ジ +	ギ +	リ +	ミ +	ヒ +	ニ +	チ +	シ +	キ +
nya	bya	ja (zya)	gya	rya	mya	hya	pya	cha (tya)	sha (sya)	kyu
ピ +	ビ +	ジ +	ギ +	リ +	ミ +	ヒ +	ニ +	チ +	シ +	キ +
nyu	byu	ju (zyu)	gyu	ryu	myu	hyu	pyu	chu (tyu)	shu (syu)	kyu
ピ +	ビ +	ジ +	ギ +	リ +	ミ +	ヒ +	ニ +	チ +	シ +	キ +
ryo	byo	jo (zyo)	gyo	ryo	myo	hyo	pyo	cho (tyo)	sho (syo)	kyo

* Комбинация букв из ряда π, μ, ν , ϵ не обязательно обозначает один слог; например $\mu\epsilon$ *mi/ε* 'храм'.

Следование гласного за тем же гласным, иначе говоря, долгота гласных обозначается для *aa* (a:) буквой あ , *ii* (i:) — буквой い , *uu* (u:) — буквой う , *oo* (o:) — тоже буквой う , например コウクウ *kookuu* (ko:ku:) (однако う может и в этом случае обозначать самостоятельный звук, в частности всегда в окончании глагола: おもう *oto'u* 'думать'); *ee* (e:), которое в чисто японской лексике имеется только в междометиях и частицах, в этих словах обозначается при помощи え ; в словах китайского происхождения, где в произношении имеется *ee* (e:), а этимологически *ei*, применяется い , イ , например ケイコウ *keekoo* (ke:ko:). Знаком долготы любого гласного служит тире (вертикальное в вертикальной строке, горизонтальное — в горизонтальной); оно применяется в написании заимствований из европейских языков и часто в словарях, справочниках и т. п. в написании всех слов¹⁹.

Знаком геминии согласных (иначе говоря, обозначением Q) служит っ , ッ перед слогом, начинающимся с соответствующего согласного: ハッテシ *Hatten* (*ha:ten*) どっ *b* *dossari* (*do:sari*).

Все эти указания относятся к новой орфографии, введенной в 1946 г. По старой, исторической, обозначение слогов с мягким согласным и с долгим гласным было многообразнее и сложнее и геминия согласных не во всех случаях обозначалась буквой っ .

g и *v* орфографически не различаются, т. е. слоги с *v* не имеют особого обозначения, обозначения не имеет и ' .

Для написания в словах, заимствованных из европейских языков, слогов, не имеющих в японском языке, применяется комбинация букв, из которых вторая, меньшая по размерам, помещаемая при вертикальном письме чуть правее и ниже, а при горизонтальном — чуть ниже и правее, обозначает гласный, а первая при таком положении второй буквы — только согласный: ビルディング *birudingu*, ファン *fan*.

Для обозначения w применяется изобретенная в XX в. буква ワ : ワンド *windoo*; слог *wa* в таких словах пишется и как ワ и как ワ .

¹⁹ Независимо от того, рассматривать ли это явление как долгий гласный или стечение двух кратких, в русской транскрипции написание двух букв — *oo*, *uu*, и т. д. недопустимо, так как из-за отсутствия в русском долгих гласных *oo*, *uu* и т. д. никогда не произносятся слитно.

ЛЕКСИКА

§ 14. Словарный состав японского языка, очень богатый, в основном содержит два количественно почти одинаковых слоя: чисто японскую лексику (*вадо* 和語) и лексику китайского происхождения (*канго* 漢語); около 3—4% составляют заимствования из европейских языков. «Заимствованными словами» (*гайрайго* 外來語) именуются заимствования из всех языков, кроме канго.

В слое, считающемся чисто японской лексикой, имеются единичные древние заимствования из аинского, санскритского, корейского и китайского языков, например: *сакэ* 'кета' от аинского *sakipe*, *сара* 'блюдо, тарелка' от санскритского *sarawa*, *э* 'картина', *дзэни* 'деньги', *мма* 'лошадь'—китайского происхождения; такого рода слова уже давно слились с исконной японской лексикой и их иностранное происхождение забыто.

Китайская лексика заимствовалась, начиная с VII в., на протяжении более тысячи лет; широко использовались и корневые морфемы. Выше, в § 4, уже говорилось, что при этом нередко в заимствованных словах—канго—происходили фонетические изменения. Канго тесно связаны с иероглифической письменностью, вместе с которой они проникали в Японию. Благодаря этому принадлежность слова к ваго или канго, как правило, отчетливо осознается японцами. Использование китайских корневых морфем—«он'ов»—состояло в создании из них новых слов. В период усвоения европейской культуры—науки, техники, социально-политических институтов и т. д., начиная с последней трети XIX в., «он'ы» стали играть в словообразовании ту роль, которую выполняют в европейских языках греческие и латинские корни, например, слова *дэнсин* 'телеграф', *гэнси* 'атом', *гикай* 'парламент'—канго. Канго часто являются единственным обозначением какого-либо понятия, например: *хэйва* 'мир', *куки* 'воздух', *хон* 'книга', но весьма часто они представляют собой синоним чисто японского слова, отличающийся от последнего стилистически, например *аой* и *эйсёкуно* 'синий', *тамэрау* и *тю:тё:суру* 'колебаться', или по оттенку значения, например *кокоро* 'сердце, душа' и *синдзо*: 'сердце' как термин анатомии, *хито* 'человек, люди'—конкретно и *нингэн* 'человек'—обобщенно; иногда канго употребительней, чем его чисто японский синоним, например канго *сэнсо*: 'война' вытеснило японское слово *икуса*. Однако значительное число канго не вошли в живой язык: они тесно связаны с обозначающими их иерог-

лифами и употребляются только на письме, в книжном или эпистолярном стиле. В научных, технических и других специальных текстах число канго может составлять 80—85% знаменательных слов. В бытовой разговорной речи оно уменьшается до 25—35%.

Характерной чертой канго является обилие омонимов: например в японско-английском словаре Кацумата (*Kenkyusha's new Japanese-English dictionary*, 1954) дано *синка*—7 слов, *синкан*—10, *ко:ко:*—20. Такие слова вне контекста понятны только в иероглифическом написании (знающим иероглифику), но не на слух.

При заимствовании из европейских языков слова также изменяются согласно фонетике японского языка. В слое такой лексики имеются единичные заимствования, например: из португальского (XVI в.): *табако* 'табак'—порт *tabaco*, из голландского (XVII—XVIII в.): *ко:хи* 'кофе'—голл. *koffij*, *матросу* 'матрос'—голл. *matroos*; начиная с последней трети XIX в. заимствования участились отчасти из немецкого и французского языков, а наибольшее их число составили слова английского происхождения. Количество этих слов резко возросло после второй мировой войны, причем, разумеется, источник послевоенных заимствований—американский. В связи с начавшимся в эти годы движением за ограничение употребления иероглифов и борьбой с канго значительно сократилось создание научной, технической, политической и подобной лексики из «он'ов», и эта лексика стала заимствоваться из английского языка. Кроме того, в отличие от первого периода заимствований, когда вводились преимущественно слова, обозначающие предметы, отсутствовавшие в японском быту, например: *инки* 'чернила' (англ. *ink*), *айсу-кури:му* 'мороженое' (англ. *ice cream*), или явления, новые для японской культуры, например: *курабу* 'клуб', в послевоенных заимствованиях последних лет есть множество слов, имеющих японские синонимы, например: *бо:да-райн* (англ. *border line*) сосуществует рядом с *ке:кайсэн* 'пограничная линия', *адо* (амер. *ad*)—с *ко:коку* 'объявление' и др.

В числе заимствований имеются и устойчивые словосочетания, фигурирующие как одно слово, например *クデタ ку:дэ:та*: (франц. *coup d'état*); иногда компоненты словосочетания разделяются черной точкой, но раздельно не употребляются, например: *コ—ル—ド—オ—コ:рудо-во:* (англ. *cold war*); *アフレ—ロ—ゲ—ル афурэ-гэ:ру* [франц. *après(la)guerre*]. Заимствуются и английские и американские сокращения из первых букв; в отличие от остальных заимствований из европейских

языков, которые, как уже упоминалось, всегда пишутся катаканой, отчего их даже называют «катаканаго» («катаканые слова»), эти слова, за отдельными исключениями, пишутся латинским шрифтом: *L·C эру-си* (англ. *letter of credit*).

Большая часть канго входит в японский язык как существительные и как основа глаголов, именных прилагательных и наречий, образующихся при помощи соответствующих японских формантов: *то:со* 'борьба', *то:со:-суру* 'бороться'; *синдзуру* 'верить'; *дзю:ё:на* 'важный'; *кандзэнто* 'смело'. Некоторое число канго—наречия без японского форманта: *тайтэй* 'большей частью', *сайкин* 'недавно, в последнее время'; числительные—все канго (только до 10 имеются также и японские); существует несколько канго-последогов: *игай* 'кроме', *иго* 'со времени (чего-либо)' и т. п.

Займствования из европейских языков обычно бывают существительными; как существительные иногда выступают и слова других разрядов, например *абэку* (франц. *aves*) в просторечии: 1) 'молодой человек со своей девушкой'; 2) 'свидание'. При помощи тех же формантов, которые используются при образовании слов от канго, образуются глаголы и прилагательные, но редко: *анну:пу-суру* (англ. *appeal*) 'вызывать', *сума:тона* (англ. *smart*) 'элегантный'.

§ 15. Структура чисто японских слов и канго несколько различна. Японское простое слово имеет обычно два-три-четыре слога; односложных знаменательных слов (считая старые) около тридцати—больше половины основного слогового состава: *мэ* 'глаза', *тэ* 'руки', *хи* 'огонь' и т. п. Служебные слова почти все и частицы все являются чисто японскими.

Сложные слова образуются основосложением, причем, как правило, сочетаются две основы или сложное слово с основой. Имеется множество сложных существительных: *ямамити* (*яма* 'гора'+*мити* 'дорога'), 'горная дорога' и сложных глаголов (состоящих не более чем из двух основ): *номихосу* (*ному* 'пить'+*хосу* 'сушить') 'выпить до дна'; реже встречаются сложные прилагательные: *акагурой* (*акай* 'красный'+*курой* 'темный') 'темно-красный' (озвончение начального согласного второго компонента является несомненным, но не обязательным признаком образования сложного слова); есть сложные наречия, преимущественно образованные редупликацией основ, например *масумасу* (*масу* 'прибавлять') 'все более и более', и сложные союзы: *дакара* (*да*—связка, *кара*—постпозиционный причинный союз) 'поэтому'.

Для канго нормой является двухкомпонентное слово из самостоятельно не употребляющихся корней («он'ов»); канго, состоящие из одного «он'а», имеются, но число их невелико (порядка 100—200). Благодаря иероглифической письменности двухсоставность канго, как правило, отчетливо осознается, тем не менее многие слова неразложимы на компоненты (из-за утраты корней знаменательности вообще или в данном слове), и подавляющее число двухсоставных канго лексически выступают как простые слова, а при образовании сложных слов—как основы. Иначе говоря, сложным канго является такое, которое создано из двухкомпонентных основ: *гакко:-кё:ику* (*гакко:* 'школа', *кё:ику* 'обучение') 'школьное обучение'. В отличие от чисто японских слов для канго характерно, во-первых, соединение нередко трех и четырех, а иногда пяти и даже более основ, например, *кайгун-ёби-сё:ко:-мэйбо* 'список морских офицеров запаса', во-вторых, то, что, как правило, сложные канго—существительные, а среди остальных частей речи, в частности глаголов, сложные канго встречаются редко.

Имеется и немалое число сложных слов смешанного характера (см. о сложных словах также § 16, п. 3).

§ 16. Средства словообразования многообразны:

1. Конверсия. Примером конверсии является переход формы глагола в существительное: *овари* (форма глагола *овару* 'кончать')>*овари* 'конец'; существительного в наречие: *дзиссай* 'действительность'>'действительно', 'в самом деле'; существительного в модальное слово: *цую* 'роса', 'росинка'>'ничуть' (ср. русск. 'ни капли') и т. п.

2. Словообразовательная суффиксация. Имеются японские суффиксы как чисто грамматические, так и грамматические, вместе с тем обладающие некоторой знаменательностью. Японские суффиксы присоединяются к словам любого происхождения: *фукай* (яп. слово) 'глубокий', *фукаса* 'глубина'; *хонто:* (канго) 'правда', *хонто:ни* 'вправду, всерьез'; *ай* (канго) 'любовь', *айсуру* 'любить'; *урэсий* (яп. слово) 'радостный', *урэсигару* 'радоваться'; *дзаннэн* (канго) 'сожаление', *дзаннэнгару* 'сожалеть'; *онна* (яп. слово) 'женщина', *оннарасий* 'женственный'; *гундзи-кити* (канго) 'военная база', *гундзикитимэйта* 'смахивающий на (напоминающий) военную базу'. Следует отметить, что некоторые японские суффиксы, например синонимичные *расий мэйта*, *дзимита*, широко применяются в окказиональном словообразовании. Многие японские суффиксы, имеющиеся в существующих словах, устарели и совершенно непродуктивны (например, *кэси*, *кой*, *дой*, *бу*, *дацу*, *баму* и др.).

Имеются и словообразовательные суффиксы китайского происхождения. Эти суффиксы, как правило, присоединяются к канго: *сэйдзи* 'политика', *сэйдзитэки* 'политический'; *коннанна* 'затруднительный', *коннансэй* 'затруднительность'; *родо*: 'работа', *родо:ся* 'рабочий'; *кайги* 'подозрение', *кай-гисин* 'подозрительность' (как психологическое свойство); *минарау* 'учиться на практике' (яп. слово), *минараисэй* 'ученик-практикант'.

3. Корнесложение и основосложение. Корнесложением образуются канго. Выше упоминалось, что наиболее часто встречается сложение двух корней («он'ов»), однако есть и небольшое число слов, состоящих из трех корней (а не являющихся результатом сложения основы с корнем), например *кэнсицуки* 'гигрометр'.

Основосложением образуются сложные японские слова и канго, а также смешанные: *маварибутай* 'вертящаяся сцена', *маварисэнта*: 'подвижной центр' (*мавари*—яп. слово, *бутай*—канго, *сэнта*:—англ. *centre*). Немало слов представляют собой соединение японской основы с самостоятельно не употребляющимся «он'ом»: *нарикин* 'нувориш', *дзинуси* 'землевладелец' (*кин*, *дзи*—«он'ы»).

Широко распространено сложение основ со знаменательным корневым компонентом, препозиционным или постпозиционным: *нэири* > *соранэири* 'притворный сон', *гакусэй* (канго) > *гакусэймукино* 'студенческий' (в смысле 'предназначенный для студентов'); *сора*, *муки*—японские компоненты (но—грамматическое окончание); *мисэ* > *синмисэ* 'новая лавка'; *хё:дзи* (канго) > *хё:дзики* 'индикатор', *сэйфу* (канго) > *генсэй-фу* 'нынешнее правительство', *син*, *ки*, *гэн*—«он'ы». Образованное таким путем слово может сочетаться с новым препозиционным или постпозиционным. «он'ом»: *бакугэкики* 'бомбардировщик' от *бакугэки* 'бомбежка' > *дзю:бакугэкики* 'тяжелый бомбардировщик'. Присоединение знаменательных компонентов широко применяется для окказионального словообразования: *какумэйго* 'после революции', *дзэнсикэн* 'прошлый экзамен'—этих слов нет в японских словарях, но они и им подобные слова обычны в тексте.

Как особый прием надо отметить редупликацию основ; сейчас это непродуктивный прием словообразования, но существует немало слов, ранее образованных таким путем: *масумасу* 'все более', *икиикито* 'живо', 'ярко' и др.

4. Сокращение. Сокращению подвергаются преимущественно сложные канго и заимствованные слова. Одним из давних способов образования канго является сокращение сложного канго из двух основ, причем из каждой основы

берется один «он» (не обязательно первый): *бэйкоку-мэнка* > *бэймэн* 'американский хлопок'; *дзайго-гундзин* > *гогун* 'резервист'. Заимствованные слова сокращаются усечением: *инфу-рэ:сён* > *инфурэ* 'инфляция'; *адзитэ:сён-пойнто* > *адзито* 'агитпункт'. Новые слова образуются и сокращенным слиянием отдельных слов: *тайси+ко:си* > *тайко:си* 'послы и посланники'; *адзитэ:сён+нуропоганда* > *адзипуро* 'агитация и пропаганда'. В последние десять лет стали появляться и аббревиатуры, которые пишутся латинским шрифтом, а произносятся с учетом английских названий латинских букв: *кабусэйки-кайся* 'акционерная компания' > *К.К.* произносится *кэ:кэ*; *Нихон Хо:со: Кё:кай* 'Японская радиовещательная компания' > *Н.Н.К.* произносится *эну-эти-кэ*.

С сокращением канго тесно связано явление семасиологического характера: при сокращении корень китайского происхождения приобретает значение всего слова, в которое он входит, и в дальнейшем образуются новые слова с этим корнем в его вторичном значении. Например, первоначальное значение «он'а» *дэн*—'молния': *райдэн* 'гром и молния'; с этим компонентом было создано слово *дэнки*, (*дэн* 'молния'+*ки* 'дух')—'электричество'; в дальнейшем, при сокращении некоторых сложных канго с основой *дэнки* *дэн* само приобретает это значение. Образуются слова *дэн-син* 'телеграф' и 'телеграмма', *дэнся* 'трамвай' и множество других; два названных отличаются от остальных тем, что компонент *дэн* сам приобрел и эти значения. В результате образовались слова: *дэнсё*: 'запрос по телеграфу', *унадэн* 'срочная телеграмма', *сидэн* 'городской трамвай' и т. д.

5. Лексикализация словосочетаний. Существуют слова, образовавшиеся в результате этого процесса давно, например *манако* 'зрачок', образованное из *мэ* > *ма* 'глаз', *но* > *на* (показатель притяжательного соотношения) и *ко* 'дитя'; о древности этого слова говорит сингармонизм гласных. Есть и слова такого типа позднего происхождения, например *маниау* 'успевать': *ма* 'промежуток времени', *ни*—суффикс дательного падежа, *ау* 'согласоваться'.

6. Расщепление на омонимы. Слова, образовавшиеся таким путем в давнее время, получили разное иероглифическое написание, что полностью отделило их друг от друга, например: *цугу* (次) 'следовать за чем (кем)-либо' и *цугу* (嗣) 'наследовать кому-либо'; омонимы, образовавшиеся в позднее время, сохраняют общее иероглифическое написание, и это затемняет распад слова как единой семантической структуры; например: *яма* а) 'гора', б) 'лес' и т. д. и *яма* 'спекуляция, риск'.

Предварительные замечания

§ 17. Характерной чертой японского языка, как и некоторых других восточных языков, является сохранение в языковой практике почти до середины XX в. (до 1945 г.) старого письменно-литературного языка. Современный язык, начавший складываться как литературный с 80-х годов XIX в., к концу первого десятилетия XX в. стал полноценным национальным литературным языком. Однако вплоть до 1945 г. письменно-литературный язык сохранился в официальном обиходе как обязательный язык законов, документов, официальной и деловой переписки и был предметом преподавания в школе. В 1946 г. под давлением демократического движения в стране официальное употребление письменного языка специальным постановлением было прекращено, а преподавание его в школе значительно сократилось. Однако в системе грамматики современного языка сохранились отдельные грамматические формы письменно-литературного языка, отчетливо ощущаемые как элементы особого — книжного — стиля речи.

§ 18. Специфической чертой японского языка, которой японские грамматисты и до настоящего времени придают большое значение, является существование особых грамматических форм (и особой лексики), при помощи которых создается стилистическая окрашенность речи в отношении ее вежливости, а именно: в разной степени выражается почтительность к собеседнику или скромность говорящего. При неупотреблении таких форм (и лексики) создается нейтральность речи, что в свою очередь углубляет различие между отдельными стилями речи — разговорным, книжным, эпистолярным и т. п.

§ 19. В последние десятилетия в японском языке наблюдается ряд новых явлений, заметно нарушающих привычные нормы. В основном это результат естественного развития языка, некоторые явления объясняются влиянием английского языка (в силу сложившейся в Японии послевоенной обстановки). Новые явления в сфере фонетики уже были отмечены, в области грамматики они также будут указаны (см. § 29, 42, 52 и др.).

§ 20. Как на характерную черту японского языка надо указать на неясность границы слова. Это проблема грамматики, а не лексикологии, поскольку неясность касается соотношения со служебными элементами речи, а словарная форма слов, за некоторыми исключениями, ни у кого не вызывает

сомнений²⁰. Никакой путеводной нити не дает историческая орфография, которая при раздельном написании слов в известной мере отражает общенациональные представления по этому вопросу, так как японское письмо — сплошное. В науке же по этому вопросу существуют диаметрально противоположные взгляды. Одни ученые рассматривают почти все служебные элементы как отдельные лексические единицы; такая трактовка является традиционной в японской грамматике; сложившись еще в средневековье, она вслед за японцами была принята в западном и дореволюционном русском японоведении, а в советском разделяется А. А. Пашковским²¹. Другие считают все служебные элементы или ту или иную их часть морфемами, аффиксами (Мацусита Дайдзэбуро²²), окончаниями форм глагола (Ямада Ёсио²³, Киндзита Харухико²⁴) и агглютинативными суффиксами склонения (Окуда Ясуо²⁵, а в советском японоведении все, кроме А. А. Пашковского). Можно полагать, что такие разногласия вызваны фактом языка — агглютинативной природой большинства служебных элементов; непрочность их соединения, а отсюда изменчивость границы слова, видимо, явилась и причиной отсутствия раздельности письма. В советском японоведении вопрос о глагольных окончаниях и агглютинативном склонении считается решенным, но есть ряд отдельных элементов, вопрос о природе которых требует дальнейших исследований.

§ 21. Строй японского языка характеризуется следующими основными признаками.

1. Отношения между словами в предложении выражаются: а) порядком слов; б) грамматической формой слова; в) в меньшей мере — служебными словами.

2. Порядок слов твердый; он регулируется следующими законами: а) подлежащее предшествует сказуемому; б) подчиненный член предложения предшествует тому, от которого он зависит; в) как следствие первых двух положений, сказуемое стоит в конце предложения.

²⁰ Не вполне ясен вопрос о разграничении сложных слов и словосочетаний в применении к сочетанию двух или более самостоятельно употребляющихся, примыкающих друг к другу канго и к единичным лексикализованным словосочетаниям из грамматически оформленных японских слов.

²¹ А. А. Пашковский, *К характеристике японских синтаксисов*, Советское востоковедение, № 2, 1957, стр. 101—118.

²² 松下大三郎・撰改標準日本文法, 1928.

²³ 山田孝雄・日本文法論, 1908.

²⁴ 金田一春彦・『日本語の』文法, 世界言語概説, 1955, II, 166—199頁.

²⁵ 奥田靖雄, ことばの組み立て, 講座・日本語, I, 1956.

3. Все знаменательные слова имеют грамматические формы, специфические для каждой лексико-грамматической категории и отражающие функции слов этой категории в предложении: а) существительные имеют формы подлежащего, дополнений и определения, составляющие в совокупности склонение существительных; б) прилагательные имеют определительную и обстоятельственную (наречную) формы; характерно, что у чисто японских прилагательных определительная (она же словарная) форма предикативна и эти прилагательные имеют синтетические формы времени, т. е. близки к глаголу; форм степеней сравнения прилагательные лишены; в) глаголы имеют формы времени, вида, наклонения, залога (в частности — страдательного и побудительного), составляющие в совокупности спряжение глагола; имеются формы, совмещающие свойства глагола и имени, т. е. предикативность и склоняемость; г) у наречий и числительных, основная функция которых — обстоятельственная, для выражения ее служит словарная форма; для числительных, обладающих обстоятельственной функцией, характерна необходимость присоединения при конкретном счете счетных суффиксов, специфичных для разных категорий считаемых объектов.

4. Приемы образования грамматических форм различны. Ведущее место занимает суффиксация — присоединение к неизменяемой основе агглютинативных, т. е. более или менее отделимых суффиксов; на этом приеме построено склонение существительных и образование форм одной части прилагательных. Второе место принадлежит флективным изменениям окончания; на этом приеме, самостоятельно или в соединении с суффиксацией, построена часть парадигм спряжения глаголов и образование форм другой части прилагательных. Наряду с этим существуют аналитические формы: имеются вспомогательные глаголы для выражения вида, наклонения, залога, направленности действия; развиваются послелоги (отглагольные, наряду с более старыми отыменными).

5. Служебные слова постпозитивны, за исключением части союзов; частицы в основном все постпозитивны.

6. Связь словосочетания с каким-либо членом предложения (в том числе однородных членов, разделенных подчиненной какому-либо или каким-либо из них группой или группами) получает выражение только у последнего члена этого словосочетания, что обуславливает: а) отсутствие согласования у определения с определяемым (в падеже и числе; категория числа выражается весьма ограничено, а категории рода нет); б) наличие специальной соединительной формы у первого из двух или нескольких сочиняемых членов, кроме последнего.

7. Для сложного предложения характерно подчинение предложений двумя способами: а) при помощи особых глагольных форм — предикативных и в то же время выражающих подчинение другому предикату; б) при помощи самой падежной формы или падежной формы и послелога, т. е. теми же способами, какими происходит подчинение существительных. Наряду с этими исконными способами развивается третий: использование подчинительных союзов, образующихся на базе второго способа и пока малочисленных.

8. Характерно существование специальных частиц тематического выделения исходной части высказывания в двухчленном (двухсоставном) предложении.

Сравнение строя японского языка с характерными чертами строя тунгусских, монгольских и некоторых тюркских языков (не говоря о корейском) явственно обнаруживает ряд структурно одинаковых явлений.

Морфология

§ 22. Специфические признаки японских существительных — предметное значение и способность иметь при себе определяющее прилагательное. Категории рода нет. Категория числа выражена слабо: существительное в одной и той же форме может иметь значение и единственного и множественного числа, существующие способы выражения множественного числа применяются ограниченно. В этих способах в известной мере выражается категория одушевленности-неодушевленности: только одушевленные существительные принимают суффиксы *тати*, *ра*, *гата* и др.; как правило, только неодушевленные существительные образуют множественное число редупликацией: *коно бааи-бааи-ни ойтэ* 'в этих случаях' ²⁶. Кроме того, существительные-канго могут присоединять препозиционный компонент *сё* (諸), утративший знаменательность и превратившийся в префикс: *гакка* 'наука', *сёгакка* 'науки'. Категория одушевленности-неодушевленности выражается и в употреблении с существительными разных глаголов, обозначающих местонахождение: с одушевленными — *иру*, *ору*, с неодушевленными — *ару*.

§ 23. Существительное имеет агглютинативное склонение. Японскими грамматистами давно выделены элементы, при помощи которых выражается синтаксическая функция имени: девять элементов — *га*, *но*, *ни*, *о*, *э*, *дэ*, *то*, *кара*, *ёри* — всеми грамматистами, десятый — *мадэ* — некоторыми.

²⁶ *Хитобито* 'люди', 'народ' (редуплицированное *хито* 'человек') — старое слово, давно лексикализовавшееся.

В советском японоведении эти элементы рассматриваются как агглютинативные суффиксы падежей.

Функции падежей в основном совпадают с функциями одноименных падежей в индоевропейских языках (в частности, в латинском) и особенно в монгольских и тюркских языках. Особенностью японского склонения является наличие общего падежа (форма основы) как падежа подлежащего, слова-темы (см. § 66) и прямого дополнения наряду с выраженными формами именительного и винительного падежей. В этих функциях общий падеж в современном языке употребляется, как правило, в сочетании либо с частицей тематического выделения *ва* (при подлежащем и слове-теме — в подавляющем большинстве случаев), либо с какой-нибудь подчеркивающей или ограничительной частицей; все эти частицы не могут следовать за суффиксами именительного и винительного падежей (кроме *ва* в форме *ба* за суффиксом винительного падежа, что встречается только в книжном стиле). Кроме того, общий падеж — форма существительного при обращении и форма сочиняемых существительных (обычно кроме последнего).

Остальные падежи следующие. Именительный (*га*) — падеж подлежащего (только в одночленном предложении, см. § 65); родительный (*но*) — падеж приименного определения, в частности с притяжательным значением, а также субъекта действия при глаголе в некоторых подчиненных позициях; дательный (*ни*) — падеж косвенного объекта при глаголах со значением типа «давать», «говорить»; кроме того, он совмещает функции локатива, обозначения направления движения и развития процесса, действования при страдательном залоге и побуждаемого к действию — при побудительном; винительный (*о*) — падеж прямого объекта, а также обозначение места, по которому и от которого происходит движение; падеж направления (*э*) — единственный, происхождение суффикса которого известно (он восходит к древнему существительному *э* (*хэ*) 'сторона'), — обозначает точку направления движения, но в последние десятилетия приближается к дательному в значении падежа косвенного объекта; творительный (*дэ*) по основному значению — орудийный, а также образа действия, места и др.; соединительный падеж (*то*) обозначает контрагента совместного действия и второй объект при глаголах, выражающих сравнение; исходный падеж (*кара*) имеет аблятивное значение и ряд производных от него; исходно-сравнительный (*ёри*) — падеж второго члена сравнения, преимущественно при прилагательных (в старом языке суффикс *ёри* был также формой исходного падежа, и в современном языке эта форма

в таком значении встречается в эпистолярном стиле и изредка в книжном); предельный (*мадэ*) обозначает конечную точку движения в пространстве и протекания во времени.

Эти агглютинативные суффиксы примыкают непосредственно к имени и связаны с ним общностью ударения. В соединении с таким суффиксом существительное в некоторых падежах подчиняется глаголам и прилагательным, а в родительном падеже — имени, непосредственно или через посредство послелогов. Обладая агглютинативностью, эти суффиксы в некоторых случаях отделимы от слова: а) частицами *дакэ*, *бакари*, *гурай*, *надо*, *мадэ*; все пять по значению ограничивают, расширяют или подчеркивают объем понятия, обозначаемого существительным; первые три явно по происхождению суффиксы (они восходят к знаменательным словам *такэ*, *хакари*, *курай*), однако в современном языке употребляются и после падежного суффикса как самостоятельные постпозитивные частицы; б) только на письме — приложением и вводным предложением в том случае, если оно заключено в скобки или отделено тире, т. е. как бы выключено из текста (пример см. в § 89). Как и в других языках сходного строя, агглютинативные суффиксы универсальны, т. е. таковы же, как и у существительных, формы склонения числительных, наречных имен, местоимений, склоняемых форм глагола, склоняемых словосочетаний и предложений.

§ 24. Числительные, помимо семантического, имеют следующие отличительные признаки: они склоняемы, но преимущественно при отвлеченном счете: *го-ни сан-о куваэру* 'прибавить к пяти три'; при конкретном счете принимают ряд счетных суффиксов («классных показателей»), например: 'два' отвлеченно — *ни*, о карандашах — *нихон*, о листах бумаги — *нимай*, о книгах — *нисацу* и т. п.; принимают префикс *дай* или суффикс *мэ* для образования порядкового числительного. Не могут иметь при себе никакого определения. Обычная позиция числительного в предложении при конкретном счете — постпозитивная по отношению к исчисляемому; его функция — обстоятельства при глаголе: *хон-о госацу катта* 'купил пять книг'. Эта функция настолько характерна для числительных, что, например, Киндаити Харухико рассматривает их как подвид наречий. Однако числительные могут быть и определением: *госацуно хон* 'пять книг'.

§ 25. Прилагательные бывают двух различных категорий: предикативные и непредикативные; каждая из этих категорий характеризуется своими особыми признаками, но вместе с тем их семантическая общность как прилагательных объединяет их синтаксические функции и в последние десяти-

летия стала придавать им частично морфологическую общность (см. § 29).

§ 26. К предикативным прилагательным относятся прилагательные японского происхождения с окончанием *и*. Семантически это слова, обозначающие качественный признак и состояние. В современном языке их словарная форма и сказуемость и атрибутивна, поэтому в русском языке им соответствуют и полная и краткая формы прилагательных, многим — категория состояния: *курой* 'черный, черен'; *урэсий* 'радостный, рад, радостно' (как сказуемое). В старом языке их словарная форма была только сказуемостью: *курочи* 'черен'; определительная форма образовывалась словоизменением: *куроки* 'черный'.

Синтаксически специфической особенностью предикативных прилагательных (в отличие от непредикативных) является способность служить сказуемым без связки, т. е., находясь в позиции сказуемого, выражать время: *самуй*, *нэ* 'холодно, правда?'. Предикативность этой категории прилагательных особенно ярко проявляется в тех из них, которые имеют экзистенциальное значение: *най* 'не быть, не иметься' — отрицательная параллель глагола *ару* 'быть, иметься'; *о:й* и *сукунай* 'быть (иметься) в большом (малом) количестве'; эти слова не употребляются как простое определение к знаменательным существительным. Не применяются в роли определения некоторые из обширной группы прилагательных, обозначающих эмоции: *хадзукасий* 'стыдно', *осий* 'жаль' и т. п. Обладая предикативностью, прилагательные широко употребляются как сказуемое, в частности в тех случаях, когда в индоевропейских языках признак выражается определением, например при характеристике целого признаком части: *коно мумэ ва мэ-га курой* 'у этой девушки глаза черны' (а не 'черные глаза', как по-русски). Это синтаксическое соотношение легло в основу большого числа фразовых единств, имеющих значение прилагательных: *ки-га ёвай* (как сказуемое) 'малодушен', *ки-но ёвай* (как определение) 'малодушный'.

Предикативность прилагательных обусловила их морфологическую специфическую особенность — синтетические формы времени и наклонения: *самукатта* 'было холодно', *самукаро*: 'вероятно, будет холодно', *самукэрэба* 'если будет холодно' и др.

В японской грамматике традиционно до последних лет прилагательными — *кэйё:си* — называлась только эта категория.

Продуктивных суффиксов образования предикативных прилагательных не имеется. Но некоторые предикативные

прилагательные, как например *катай* 'трудный', *фукай* 'глубокий' и др., используются как форманты образования прилагательных от глагольно-именных основ: *юрусигатай* 'непростительный', *тю:ибукай* 'внимательный' и т. п. Обычно прилагательные, образованные таким путем, синтаксически и морфологически недостаточны.

§ 27. Виды непредикативных прилагательных разнообразны. Основную часть этой категории образуют две группы: а) небольшое число прилагательных японского происхождения, основа которых кончается слогом *ка*: *сидзукана* 'тихий'; б) большое число прилагательных-канго. Одна часть последних употребляется только адъективно: *хэнна* 'странный'. Другая часть может спорадически и ограниченно (в устойчивых словосочетаниях разного типа) употребляться и субстантивно, но без возможности принимать определяющее прилагательное: *сирэцуна* 'яростный, ожесточенный'; *сирэцу-о кивамэру* 'крайне ожесточенный' (букв.: 'доводить [доводящий] до высшей степени ожесточенность') — связанное употребление глагола *кивамэру*. Третья часть употребляется как существительное более свободно: *хэйкина*, *хэйкино* 'спокойный, хладнокровный', *хэйки-отамоцу* 'сохранять хладнокровие'. В позиции сказуемых эти слова всегда являются прилагательными: *хэйки да* означает 'хладнокровен', 'хладнокровна', а не (что-либо) 'есть хладнокровие'. Определительная и наречная формы у этой части прилагательных, которые могут быть названы именными, несколько отличны от остальных.

§ 28. Кроме того, существует множество производных непредикативных прилагательных, образованных и образующихся от разных частей речи. Основной их массив — прилагательные, образующиеся при помощи суффикса *тэки* от существительных-канго: *сэйдзи* 'политика', *сэйдзитэки* 'политический'; небольшое число образовано присоединением этого суффикса к корневому компоненту: *ситэки* 'личный', 'частный'.

Особый разряд составляют непредикативные прилагательные, созданные присоединением суффикса *со*: к основе предикативных прилагательных, а также глаголов. Значение их — видимость признака, вероятность начала действия: *судзусисо:на хэя* 'по-видимому, прохладная комната'; *урэсисо:на као* 'радостное лицо' (сказано тем, кто это лицо видит, а не переживает радость сам); *накисо:на коэ* 'голос, полный слез' (от глагола *наку* 'плакать', т. е. 'такой, будто вот-вот расплечется'); суффикс *со*: в соединении с адъективной и особенно глагольной основой является средством нестойкого, окказионального словообразования.

Непредикативные прилагательные, образующиеся другими способами, в той или иной мере недостаточны — они либо не имеют наречной формы, либо совсем не сочетаются со связкой или сочетаются особым образом, либо и то и другое. Те из них, которые имеют относительное, а не качественное значение, не могут подчинять наречия и дополнения в исходно-сравнительном падеже, но для имеющих качественное значение это возможно. К ним относятся: отглагольные в форме прошедшего времени, например: *икита* 'живой', *ётта* 'пьяный', *хаттэн-сита* 'развитый' (они могут служить только определением и, как всякое прилагательное в этой позиции, обозначают вневременный признак, т. е. лишены категории времени); образованные от именных и глагольных основ при помощи разных постпозиционных компонентов и окончания *но*: *сэй-дзидзё-но* 'политический' (в значении 'с точки зрения политики'), *нэнтякусицуно* 'вязкий', *кидзукуруино* 'деревянный', *на-цумукино* 'летний' (в значении 'для летнего употребления'), *ну итатэнно* 'только что сшитый' и т. д.; перешедшие из письменного языка с окончанием *нару*, *тару*, *бэки*: *синдзэннару* 'дружеский', *каккакутару* 'яркий', 'блестящий', *никумубэки* 'ненавистный'; застывшие устарелые формы глаголов: *араюру* 'всяческий', *акору* 'следующий, завтрашний' (о дне или месяце) и др.

По значению непредикативные прилагательные выражают как качественный, так и относительный признак. В отличие от предикативных они могут служить сказуемым только в сочетании со связкой, оставаясь при этом в форме основы.

§ 29. Общим для обеих категорий прилагательных является синтаксическая способность, во-первых, служить определением, т. е. в позиции определения обозначать вневременный признак: *самуй хи* 'холодный день', *хэнна тай-до* 'странное поведение', *икита тэхон* 'живой образец', — и во-вторых, подчинять себе: а) наречия: *гоку хэйкина* 'весьма хладнокровный'; б) дополнение в исходно-сравнительном падеже: *юки-ёри сирой* 'белее снега'. Обе категории имеют формы: а) определительную (у предикативных прилагательных она совпадает со сказуемостью, у непредикативных — у одной части окончания *на*, у другой — *на* или *но*, у третьей — только *но*); б) наречную (у предикативных — окончание *ку*: *цүёку* 'сильно', у непредикативных — у одной части окончания *ни*: *хэнни* 'странно', у другой — *дэ*: *хэйкидэ* 'спокойно', 'хладнокровно', у третьей — *то[-сүтэ]*: *каккакүто* 'ярко', 'блестяще').

От предикативных прилагательных, а также непредикатив-

ных японских образуются существительные с окончанием *са*: *урэйсса* 'радость', *нигиякаса* 'оживленность'; от непредикативных прилагательных-канго — со словообразовательным суффиксом *сэй* (性): *коннансэй* 'трудность'. Однако в последние десятилетия суффикс *са* стал широко присоединяться и к ним: *сирэцуса* 'ожесточенность', *коннанса* 'трудность'. По мере расширения такого применения суффикса *са* сокращается субстантивное употребление таких прилагательных в форме основы. Часто прилагательные-канго морфологически уподобляются предикативным и по способности принимать суффикс *гару* для образования глагола: *урэсигару* 'радоваться', *коннангару* 'затрудняться', а также принимают суффикс *со*: например *рико:со:на као* 'умное лицо'.

В последние десятилетия, в нарушение нормы языка, у прилагательных обеих категорий наблюдается образование сравнительной степени при помощи префикса *ёри*, представляющего собой оторвавшийся от дополнения суффикс исходно-сравнительного падежа: *ёрисирой* 'более белый, белее'; *ёри-дзидайна* 'более важный'; *ёриссо:но кё:ка* 'еще большее усиление' (от наречия *иссо*: 'еще более').

§ 30. Особую часть речи представляют наречные имена. По значению это наречия, обозначающие относительное положение в пространстве и времени: *има* 'теперь', *сото* 'вне дома, на улице, на дворе', *ёсо* 'в другом месте, не здесь'. Это значение препятствует им иметь при себе определяющее прилагательное; можно сказать *сото ва курай* 'на улице темно', но нельзя сказать *курай сото*. Это же значение дает возможность многим из них служить и послелогами (ср. § 45). На русский язык они в словарной форме иногда непереводимы, например *миги*. Эти слова могут подчинять себе наречия степени и иметь дополнение в исходно-сравнительном падеже: *яя миги-ни* 'немного правее', *коко-ёри миги-ни* 'правее, чем здесь' (*коко* 'здесь', *соко* 'там', *асоко* 'там', *доко* 'где' — местоимения, морфологически подобные наречному имени). Отличает же их от наречий полная склоняемость, которая дает им возможность выступать в предложении не только в своей основной функции — обстоятельства, но и как подлежащее и прямое дополнение: *яя цэ-ни ару* 'находиться немного выше'; *ёсо-дэ кау* 'купить в другом месте'; *цэ-кара миру* 'смотреть сверху'; *миги-э магару* 'свернуть направо'; *миги-о муку* 'обернуться направо' (*миги-о* — винительный падеж, который как форма дополнения только при глаголах *муку* 'обернуться' и синонимичном *фуримуку* показывает направление движения); *има ва аки да* 'теперь осень'; *има-га итибан ий токи да* 'теперь наилучшее время' — здесь *има* в именитель-

ном падеже — подлежащее (несущее на себе предикативное ударение).

Наречные имена не имеют никаких специфических особенностей, которые были бы присущи только им одним (какими являются, например, у числительных значение и специфическая суффиксация и у местоимений значение и система соотносительных корней), и с этой точки зрения выделение их в самостоятельную часть речи может вызвать возражение. Быть может, действительно, правильнее считать их особым подвидом наречий. Но наименее правильным было бы рассматривать их традиционно как недостаточные существительные, поскольку два из важнейших признаков последних — значение и способность иметь при себе определяющее прилагательное — у них отсутствуют. Что же касается склонения, то этот признак не составляет специфики существительных (ср. конец § 23). Однако наречное значение и синтаксические функции свойственны этим словам полностью, поэтому слово «недостаточные» к ним неприменимо.

§ 31. Наречия отличаются большим морфологическим разнообразием: есть аморфные и имеющие особые наречные форманты, есть слова чисто японские и канго, существуют наречия непроизводные и производные, в частности от глаголов в деепричастной форме: *аратамэтэ* 'снова' (от *аратамэру* 'возобновлять'). Многие наречия образуют адъективную форму, принимая окончание *но* или *сита*: *тоцудзэн* 'вдруг', 'внезапно', *тоцудзэнно* 'внезапный'; *хаккири* 'ясно, отчетливо', *хаккири-сита* 'ясный'.

Обширную группу составляют так называемые ономастические наречия, представляющие собой звуковые образы; значение их не всегда возможно передать понятием словом. Многие из них употребляются только с одним-двумя определенными глаголами, например: *никапи хикару* 'сверкнуть' (*хикару* 'сверкать') — наречие здесь передает ощущение мгновенной вспышки. Для наречий этого типа характерны редупликация или *ри* и *н* в окончании. От некоторых таких наречий при помощи форманта *суру* образованы глаголы: *дзиридзири-суру* 'нервничать'.

§ 32. Местоимения объединяются исключительно семантическим признаком; морфологическая же и синтаксическая их характеристика всецело зависит от того, какой части речи они формально уподоблены. Ядром этой категории служат указательные и вопросительные местоимения, объединенные общностью местоименных корней: *ко*, *со*, *а* (*ка*) (указательных), означающих разную степень близости к 1-му лицу и настоящему моменту, и *до*, *и* (вопросительных).

От них образованы местоимения, употребляющиеся вместо частей речи и членов предложения: *корэ*, 'это', *сорэ* 'это', 'то', *арэ* 'то', *дорэ*, *идзурэ* 'что' — вместо существительных; *коно* 'этот' и т. д. — чисто указательные, *конна* 'такой' и т. д. — вместо определений; *ко*: 'так' и др. — вместо наречий (обстоятельств); *коко* 'здесь' и т. д. — вместо пространственных наречных имен; все они приобретают свойства замещаемой части речи, в частности *конна*, *сонна* и др. — недостаточных непредикативных прилагательных (не сочетаются со связкой). От вопросительных местоимений присоединением суффиксов *ка* и *яра* образуются неопределенные, присоединением суффиксов *мо* и *дэмо* — определительные и отрицательные местоимения: *дарэ* 'кто', *дарэка* 'кто-то', *дарэмо* 'всякий', а с отрицанием — 'никто' и т. д.

§ 33. Для личных местоимений характерна, во-первых, многочисленность их для каждого лица: для 1-го лица история языка насчитывает 17, для 2-го — 30 с лишним местоимений; сейчас, однако, их сохранилось гораздо меньше: для 1-го *ватаси* и (более официально) *ватакуси* — общераспространенные, *боку* — для мужчин в фамильярной речи, *орэ* — для мужчин, главным образом в речи крестьян и т. д.; во-вторых, — происхождение почти всех их от существительных или указательных местоимений: *кими* 'ты' ('государь'), *боку* 'я' ('слуга'), *аната* 'вы' ('та сторона'), *карэ* 'он' ('то') и т. д.; в третьих, — то, что личные местоимения имеют и множественное число: *ватакусидомо* или *ватакуситати* и *варэра* (книжно, множественное число старого местоимения 1-го лица *варэ*) 'мы', *анатагата* 'вы' и т. п.

Личные местоимения, просубстантивные местоимения *корэ*, *сорэ* и др., а также *коко*, *соко* и др. склоняются. Личные местоимения в родительном падеже могут иметь значение притяжательных. Они могут принимать определяющее прилагательное, но встречается это не чаще, чем в русском языке.

§ 34. Глаголы характеризуют следующие категории: переходность-непереходность, утверждение-отрицание, время, вид, наклонение, залог; кроме того, в глаголе может быть выражено лицо действующего и направленность действия по отношению к другому лицу.

Все глаголы в словарной форме кончаются на *у*. Но у одной части глаголов *у* — флексивное окончание, у других *у* — гласный слога *ру*, представляющего собой агглютинативное окончание. По этому признаку все глаголы разделяются на глаголы 1 и 2-го спряжения. Есть два неправильных глагола: *куру* 'приходить' и *суру* 'делать'. Так как *суру* вместе с тем

глагольный формант (см. § 14), то фактически как неправильные спрягается множество глаголов.

Глаголы 1-го спряжения изменением окончания образуют ряд основных форм, названных так потому, что все глагольные суффиксы присоединяются к какой-либо из них. Две из них у глаголов 1-го спряжения и только одна — у глаголов 2-го спряжения (не считая словарной) употребляются самостоятельно. Японские грамматисты издавна перенумеровали эти основные формы, располагая их в порядке гласных таблицы *годзюон*: 1-я основная форма от *ёму* — *ёма* и от *агэру* — *агэ*; 2-я — *ёми*, *агэ*; 3-я — *ёму*, *агэру*; 4-я — *ёмэ*, *агэрэ*. Этими обозначениями технически удобно пользоваться.

§ 35. Между глаголом и именем имеется много точек соприкосновения.

1. Еще больше общих моментов, чем сейчас, было в старом языке, где имела особая (тогдашняя 4-я основная от *агэру* — *агуру*) определительная форма, иначе говоря причастная, в которой глагол мог быть как определением, так и сказуемым, последнее либо в подчиненном предложении — тогда это предикативно-именное причастие склонялось, — либо в самостоятельном — тогда оно сочеталось со связкой.

2. В современном языке эта форма вытеснила другую форму старого языка — словарную и в то же время чисто предикативную (от *агэру* — *агу*), приняв на себя часть ее функций. Это свидетельствует об ощущении несовместимости в одном слове глагольной и именной природы. Нынешняя словарная форма (3-я основная) совмещает предикативную и определительную функции: *тори ва тобу* 'птицы летают', *тобу тори* 'летающие птицы'. Однако в ней, хотя и слабо, сохранился именной характер: в одном из своих значений — инфинитиве — глагол в этой форме может быть подлежащим в именительном падеже и дополнением — в косвенных: *корэ-о миру-га ия дэс* 'противно видеть это' (*миру-га* 'видеть, смотреть' — именительный падеж). Однако такое употребление в последние десятилетия встречается крайне редко: обычно в этом случае за глаголом следует субстантивизирующая частица *но*: *сакэ-о ному но-о ямэру* 'перестать пить водку' (*но-му* 'пить', *о* — суффикс винительного падежа). Таким образом, формально склоняется не сам глагол, по существу же здесь *ному но* — аналитическая форма, в которой глагол, теряя своих глагольных свойств, вступает в связь с другим глаголом как имя; и субъект действия такого глагола может иметь форму родительного (т. е. приименного) падежа.

В функции сказуемого глагол в 3-й основной форме в значении настоящего и в форме прошедшего времени всегда име-

ет между собой и падежным суффиксом субстантивизирующую частицу. В функции определения эти формы, в частности 3-я основная, тоже в известной мере сохраняют именной характер старой причастной формы; это проявляется в том, что субъект действия, выраженного таким глагольным определением, тоже может иметь форму родительного падежа: *ани-но ёму хон* 'книга [которую] читает брат' (*ани-но* 'брата' родительный падеж). Так как в старом языке аналогичную по функции форму имело и предикативное прилагательное, такая структура характерна и для него: *мэ-но курой мусмэ* 'девушка [у которой] глаза черные' (*мэ-но* 'глаз' — родительный падеж). Однако, если субъект действия отделен от глагольного определения другим словом, он принимает форму именительного падежа: *ани-га кино*; *катта хон* 'книга [которую] вчера купил брат'.

3. Второй формой, в которой глагол имеет именное значение, является 2-я основная форма, т. е. бессуфиксальная форма *ёми*, *агэ*; у многих глаголов она приобрела лексико-грамматический омоним в виде полноценного существительного. У любого глагола она может, подобно имени, принимать суффикс дательного падежа для обозначения цели движения, выражаемого другим глаголом, и в то же время сохранять глагольность: *симбун-о ёми-ни юку* 'пойти читать газету' (*ёми-ни* 'для чтения', но *симбун-о* — винительный падеж).

4. С участием этой формы образуется ряд аналитических форм, в которых глагол полностью сохраняет глагольные свойства управления, но как имя действия сочетается с вспомогательным глаголом *суру* 'делать' (и его синонимами *ита-су*, выражающим скромность, и *насару* — почтительность), со связками *да*, *дэс* и с полусвязкой *нару* 'становиться', требующей дательного падежа. Таковы, например: вежливая повелительная форма *о-ёми-насай* (*о* — гонорифический префикс) 'читайте'; вежливая и официальная форма 2-го и 3-го лица: *о-ёми-ни наримас*, *о-ёми дэс* 'вы читаете', или 'он читает'; форма подчеркнутого отрицания: *ёми ва синай* 'отнюдь не читаю' и др.

5. Наконец, широко употребляются самостоятельные сказуемые формы настоящего и прошедшего времени в сочетании с субстантивизирующей частицей *но* и связкой (значения такого сочетания различны, иногда оно играет чисто стилистическую роль): *ёму но дэс* 'читаю', *ёнда но дэс* 'читал'. Точно так же часто употребляется со связкой и предикативное прилагательное, но, в отличие от сочетания с глаголом, в этом случае связка выражает время; частица *но* часто сокращается в *н* или совсем опускается: *самуй[н]дэсита* 'было

холодно'. Таким образом, благодаря связке сказуемое, выраженное глаголом (или предикативным прилагательным), уподобляется именному.

§ 36. Большинство глаголов в словарной форме принадлежит либо к переходным, либо к непереходным, причем большое число чисто японских глаголов имеет определенное парное соответствие: *цудзуку* 'продолжаться', *цудзукэру* 'продолжать' и т. п. Некоторые переходные глаголы, не имеющие таких соответствий, приобретают в форме страдательного залога значение непереходных, и некоторые непереходные глаголы в форме побудительного залога имеют значение переходных: *тимбоцу-суру* 'пойти ко дну', *тимбоцу-сасэру* 'потопить'.

§ 37. Утверждение-отрицание является категорией глагола постольку, поскольку оно выражается синтетически, и потому большинство форм существует в положительном и отрицательном аспекте: *ёнда*—*ёманакатта* 'читал—не читал', *ёндэ*—*ёманайдэ* (или *ёмадзун*) 'прочитав—не прочитав' и т. д. Суффиксов отрицания имеется несколько (все они присоединяются к 1-й основной форме): *най*, *дзу*, ограниченно применяемый суффикс старого языка *дзари* (в форме *дзару*) и *н*, присоединяющийся к *масу* (см. § 43) в форме *масэ*. Кроме того, есть аналитические формы отрицания (одну из них см. в § 35,4).

§ 38. Категория времени имеет ряд особенностей. Прежде всего, настоящее расширенное (иначе говоря—общее) время выражается 3-й основной формой глагола в общем виде: *тикю*: *ва тайё-но сю:и-о мавару* 'земля вращается вокруг солнца'; но настоящее время в точном смысле выражается настоящим временем длительного вида: *има ёндэ имас* 'теперь читаю' ('читаешь' и т. д.).

Имеется форма прошедшего времени, которая у сказуемого в самостоятельном предложении всегда сохраняет свое значение: *цуки-га дэта* 'взошла луна'. Но в подчиненных предложениях форма прошедшего времени может означать предшествование действию главного сказуемого: *цуйта ато сирасэтэ кудасай* 'когда приедете, сообщите'. Поэтому одновременность действия, обозначенного сказуемым подчиненного предложения, с действием, обозначенным сказуемым главного предложения, выражается формой настоящего времени, т. е. значение формы прошедшего времени сказуемого главного предложения распространяется и на сказуемое подчиненного предложения. Более того, оно может распространяться на сказуемые предыдущих и последующих самостоятельных предложений, связанных контекстом, а в сочиненном пред-

ложении — на сказуемые последующих звеньев. И, следовательно, в этих случаях форма общего времени означает только одновременность с последующим или предыдущим сказуемым в форме прошедшего времени: *Арухи-но курэката-но котодэ ару*. *Хитори-но гэнин-га расё:мон-но сита-дэ амаями-о маттэ ита*. *Хирой мон-но сита-ни ва, коно отоко-но хокани дарэмэ инай*. *Тада... марубасира-ни киригирису-га иппики томаттэ иру* 'Дело было как-то под вечер. Один слуга выжидал под воротами Расёмон прекращения дождя. Под широкими воротами, кроме этого мужчины, не было никого. Только... на колонне сидел сверчок'. Форму прошедшего времени имеет только сказуемое второго предложения *маттэ ита* 'выжидал'. *Боку ва хотондо нидзикан ходо арукимаватта га мада эмоно хитоцу-ни дэаванай* 'Я бродил почти целых два часа, но еще не встретил добычи'; *арукимаватта* — форма прошедшего времени, *дэаванай* — форма настоящего общего. Следует заметить, что употребление в этих случаях формы настоящего времени вместо прошедшего отнюдь не создает стилистического эффекта нашего *praesens historicum*, а является нормой. Это вторая особенность системы времени.

Затем в современном языке нет особой формы будущего времени, хотя в старом она существовала. Для обозначения будущих действий применяется форма настоящего общего, которая приобретает значение будущего в сочетании с соответствующими наречиями или благодаря контексту в целом: *мё:нити китто маиримас* 'завтра непременно пойду'. Однако существует суффиксально образованная форма *ёмо:*, *агэё:*, которая тоже может иметь значение будущего времени, но без категоричности утверждения: *дзикини каэримасё:* 'сейчас вернусь'. В сочетании с глаголом *омоу* 'думать' эта форма употребляется для выражения намерения: *ико: то оимас* 'думаю (собираюсь) пойти', поэтому в японских грамматиках последних лет ее называют формой намерения. Наконец, она имеет значение приглашения к действию: *са, икимасё:* 'ну, пойдем' (здесь и по-русски требуется форма будущего времени). Эта же форма может иметь значение настоящего вероятного, но только у связки: *со: дэсё:* '[это] вероятно, так'. Связка *дэс* в этой форме превратилась в модальный глагол, постпозитивно сочетающийся со сказуемым в любом времени: *кими ва ситтэ иру дэсё:* 'ты, вероятно, знаешь'; *мо: каэтта дэсё:* 'вероятно, уже вернулся'. Это последнее значение может быть выражено и синтетической формой прошедшего вероятного *каэттаро:*. Таким образом, с одной стороны, имеется форма настояще-будущего, которая может иметь и то и другое значение, с другой стороны, каждое

время может быть выражено в категорической и не категорической форме.

В японском языке, как и в японских традиционных грамматических представлениях, система времен сливается с модальными категориями достоверности и недостоверности, причем первая объединяет категорическое настоящее и прошедшее, а вторая — вероятное настоящее и будущее. Это проливает свет на значение и употребление форм времени.

§ 39. Одной из важнейших форм глагола является деепричастие совершенного вида с окончанием *тэ/дэ*. В современном языке оно выполняет следующие функции: 1) служит соединительной формой сочиняемых глаголов, в частности (но не обязательно) со значением предшествования и причинности: *ситидзи-ни окитэ исойдэ ути-о дэта* 'встал в семь часов' и (или: 'встав в семь часов') торопливо ушел из дома'; 2) является формой деепричастия как обстоятельства, характеризующего действие, обозначаемое глаголом: *вараттэ ханасимасита* 'рассказывал смеясь' (отсюда образование в этой форме отглагольных наречий); 3) служит формой сочетания с рядом вспомогательных глаголов.

Деепричастие совершенного вида образуется присоединением окончания *тэ* ко 2-й основной форме глагола: *ёму* > *ёми* > *ёмитэ*. Оно существовало еще в древнем языке, сохранялось в такой форме у всех глаголов в письменно-литературном языке, пока он употреблялся, и изредка встречается в сугубо книжном стиле современного языка. Но в современном языке присоединение этого окончания к глаголам 1-го спряжения (за исключением тех, последний слог которых *су*) сопровождается фонетическим изменением корня, причем если последним звуком его оказывается *н*, то в окончании *тэ* переходит в *дэ*: *маку* > *макитэ* > *майтэ*, *ёму* > *ёмитэ* > *ёндэ*, *тору* > *торитэ* > *тоттэ* и т. п. Такие же фонетические изменения происходят при сочетании с окончанием прошедшего времени *та*, а также с окончаниями условного наклонения *тара*, уступительного наклонения *таттэ* и итератива *тари*.

Существует также деепричастие, выражающее чистую одновременность независимых и иногда даже противопоставляемых друг другу действий: *сигото-о синагара нэмуттэ ва икэннай* 'делая работу, (за работой) нельзя спать'.

§ 40. Из видов наибольшее значение имеет длительный (прогрессивный), образующийся сочетанием деепричастия совершенного вида с глаголом *иру* (редко — *ору*). Глагол, лишенный этой формы, не выражает длительности. В форме длительного вида глагол выражает, в зависимости от лексического значения, длительность либо самого действия, либо

его результата: *ёндэ иру* 'читает' в данный момент, *ёндэ ита* 'читал' в течение определенной непрерывной длительности; *китэ иру* 'пришел' — и продолжает (*китэ ита* 'продолжал') находиться там, куда пришел. Первое значение в книжном стиле выражается и другой формой того же вида — суффиксом *цуцу* и глаголом *ару*: *хаттэн-сицуцу ару* 'развивается'.

Три других вида употребляются ограниченно, так как глагол может обозначать соответствующие действия и в форме общего вида, если значение ясно из контекста. К этим видам относятся: совершенный вид, образующийся при помощи деепричастия и глагола *симау* 'кончать': *короситэ симаэ* 'убей' (а не 'убивай'); вид длящегося результата (оставление объекта на какое-то время в неизменном состоянии), образующийся при помощи деепричастия и глагола *оку* 'класть': *кайтэ окимасита* 'записал' (на память и т. п.) от глагола *каку* 'писать'; итератив, образующийся присоединением окончания *тари* и отличающийся от вышеуказанных форм тем, что это именная форма, спрягающаяся при помощи *суру*, причем, если в такой форме стоят два или несколько глаголов, то *суру* сочетается только с последним: *ватаситати ва хирой то:ри-о аруйтари сэмай ёкотё:-э магаттари сита* 'мы ходили по широкому улицам, сворачивали в узкие переулочки'.

Три из указанных видов имеют и синтетические формы: *ёндэ иру* > *ёндэру*, *кайтэ оку* > *кайтоку*, *кайтэ симатта* > *кайтимаатта* > *кайтятта*. Эти три формы образовались в устной разговорной речи, но первая проникает и в литературный язык.

§ 41. Наклонений шесть. Об изъявительном шла речь в § 38. Повелительное наклонение отличается обилием форм: синтетические формы — у глаголов 1-го спряжения 4-я основная форма *ёмэ*, у глаголов 2-го спряжения — суффиксальная, образуемая присоединением суффиксов *ро* и *ё* к 1-й основной форме: *агэро* и *агэё*; эти формы выражают приказание. Для выражения вежливого повеления имеется ряд аналитических форм типа *о-ёми насай*, *ёндэ кудасай* и др. В желательном наклонении, образуемом присоединением спрягаемого суффикса *тай* ко 2-й основной форме, глагол формально уподобляется предикативному прилагательному. При этом он сохраняет глагольное управление, исключая винительный падеж: по правилам классической грамматики объект желания превращался в субъект желательности: *ко:хи-о ному* 'пить кофе', но *ко:хи-га номитай* 'хочу пить кофе' (букв.: 'кофе желателен пить'). Однако фактически при этом наклонении винительный падеж объекта, наряду с именительным, встречался давно, и в последние годы

японские грамматисты стали признавать его как норму. Условное и уступительное наклонения, имеющие синтетические формы, как например: *ёмэба*, *агэрэба*, *ёндара*, *аэтара* (условное), *ёндаттэ*, *аэтаттэ* (уступительное), и аналитические, как например, *ёндэ мо* (уступительное), противостоят остальным трем как формы несамостоятельных сказуемых, т. е. формы сказуемостные и вместе с тем выражающие подчинение другому глаголу: *кяку-га конакэрэба дзэхи сигото-о оваримас* 'если посетители не придут, я непременно кончу работу'; *кусабая-э иттаттэ конна кирэйна хана ва най ё* 'даже если пойдешь в цветочный магазин, такого красивого цветка нет'.

Долженствование в современном языке выражается аналитической формой: сочетанием отрицательной условной формы основного глагола с отрицательной формой глагола полу-связки *нару* 'становиться': *каэранакэрэба наранай* 'нужно вернуться'. Эта форма настолько грамматикализовалась, что вполне может быть признана шестым наклонением — долженствования.

Рудиментом старого языка является форма наклонения, образующаяся присоединением спрягающегося суффикса *бэси*. В старом языке она имела несколько значений, но в современном языке встречается в книжном стиле преимущественно как форма долженствования: *дзюкэнся ва хатидзи мадэни сю:го:субэси* 'экзаменующиеся должны собраться к восьми часам'; *мудэ:но моно хаирубэкарадзу* 'без дела не входить'. Встречается употребление этой формы, представляющее собой контаминацию формы старого языка со связкой современного языка... *бэки дэ ару*, например: *мондай ва со:йу фу:ни кайкэцу-субэки дэ ару* 'вопрос следует разрешить таким образом'.

§ 42. Глаголы в страдательном и побудительном залогах имеют формы спряжения по временам, формы всех наклонений (повелительного — ограничено), а в побудительном даже добавочно форму страдательного залога, поэтому их можно рассматривать как своего рода страдательные и побудительные глаголы. Они образуются от всех глаголов присоединением спрягаемых суффиксов: *рэру/рарэру* для страдательного залога и *сэру/сасэру* (а также в письменном стиле — *сэсиму*) — побудительного залога.

Специфической особенностью употребления страдательного залога является то, что подлежащим, в особенности в старом языке, служит одушевленное лицо, а глагол показывает, что действие имеет отношение к подлежащему в широком смысле; благодаря этому возможен, во-первых,

страдательный залог от переходных глаголов с удержанным прямым дополнением: *карэ ва бо:си-о нусумарэта* 'у него украли шляпу' (букв.: 'он обокраден шляпу'); во-вторых, страдательный залог от непереходных глаголов: *карэ ва тии-сай токи-ни хаха-ни синарэта* 'у него в детстве умерла мать' (*синарэта* — страдательный залог глагола *сину* 'умереть'). Однако в последние десятилетия страдательный залог широко применяется и при неодушевленных подлежащих; в этом случае подлежащим служит объект действия, обозначаемого переходным глаголом.

Существуют аналитические формы страдательного залога: деепричастие с глаголом *мору* 'получать' — только при одушевленном подлежащем, и деепричастие с *ару* — только при неодушевленном: *киндзё-но ися-ни митэ моратта* 'я был осмотрен соседским врачом'; *сара-ни моттэ ару кудамоно* 'фрукты, положенные на блюдо'. Форма... *тэ ару* не вполне грамматикализовалась: указание на субъект действия при ней невозможно, а кроме того, сама форма не образуется у тех глаголов, которые означают действие, приводящее к уничтожению объекта, — следовательно, самостоятельное лексическое значение глагола *ару* 'быть' до известной степени сохраняется.

Форма побудительного залога выражает либо побуждение к действию, либо допущение действия. Подлежащее при побудительном залоге — слово, обозначающее то лицо, от которого исходит побуждение или допущение; а слово, обозначающее то лицо, на которое направлено побуждение, имеет форму дательного падежа: *ися ва кодомо-ни кисури-о номасэмасйта* 'врач побудил ребенка выпить лекарство'. Непереходные глаголы в форме побудительного залога могут иметь одно дополнение в винительном падеже, и в этом случае залоговая форма выражает действие самого подлежащего, направленное на этот объект, т. е. служит для превращения непереходного глагола в переходный; таково значение связки старого языка *нари* в побудительном залоге, встречающейся в письменном стиле: *мондай-о мэйхаку нарасиму* 'выяснить вопрос' (букв.: 'побудить вопрос быть ясным').

Комбинированная форма побудительно-страдательного залога выражает то, что действие подлежащего осуществляется не по его собственной инициативе: *хо:гайно ятин-о харавасэ-рарэру но дэ ару* 'принуждены платить непомерную квартирную плату'.

Глаголы 1-го спряжения имеют еще один залог — потенциальный, образующийся переводом этих глаголов в разряд 2-го спряжения: *ёму* — *ёмэру*. В потенциальном

залоге переходные глаголы превращаются в непереходные; подлежащим при них может быть только объект действия, субъект же может выступать в форме общего или дательного падежа: *карэ-ни кохи-га номэнай* 'он не может (ему нельзя) пить кофе'. Глаголы 2-го спряжения употребляются в этом же значении объективной (независимой от субъекта) возможности в форме страдательного залога. Любой глагол в длительном виде выражает потенциальность при помощи формы страдательного залога глагола *иру*, как правило, в отрицательной форме: *дзитто-ситэ ва ирарэнай* 'не может усидеть тихо'.

Субъективная возможность действия выражается грамматикализовавшимся сочетанием формы на *у* основного глагола с субстантивизирующей частицей *кото* и глаголом *дэкиру* 'мочь': *оёгу кото-га дэкимас* 'может (умеет) плавать'.

§ 43. Категория лица выражается ограниченно — она грамматически не обязательна. Однако в диалоге и в фиксирующих его текстах лицо часто выражено. В известном смысле личной формой для всех трех лиц служит спрягаемый суффикс *мас* (*масу*): глагол с *мас* в 3-й основной форме не может быть употреблен ни в значении инфинитива, ни определительно, т. е. имеет всегда значение индикатива; употребляется *мас* в диалогической речи. Грамматическое и лексическое выражение имеет, с одной стороны, 1-е лицо, с другой — 2-е и конкретное 3-е; формы выражения лица являются в то же время формами выражения вежливости по отношению к собеседнику или конкретному 3-му лицу. Существуют два способа выражения лица: 1) аналитические формы, образуемые формой имени действия и разными вспомогательными глаголами (пример см. § 35, 4); 2) супплетивные формы, например *миру* 'видеть' нейтрально, *мимас* 'я вижу', *го-ран-ни наримас* 'вы видите', 'он видит'.

§ 44. Направленность действия может быть выражена аналитической формой, образующейся сочетанием деепричастия с глаголами *агэру*, *кудасару*, *курэру* и в некоторых случаях *яру*. Первые три самостоятельно означают 'давать', *яру* — 'делать'. Исконное значение такого сочетания — выражение направленности действия от «низшего» к «высшему», от младшего к старшему, подчиненного к начальнику, ученика к учителю и т. п. (*агэру*), или наоборот (*кудасару* и *курэру*): *Сутэ, иссёни кой. Орэ-га О:кавабата-э цурэтэ-ттэ курэру* 'Сутэ, пойдем вместе. Я возьму тебя с собой в Окавабата'; *курэру* 'брать с собой' (кого-либо). Объект — в данном случае 2-е лицо — указан вспомогательным глаголом *курэру*, поскольку говорящий — 1-е лицо — старший

брат, обращающийся к младшему. *Сэнсэй, ано мусмэ-ни мо а:сйтэ оситэ кудасатта но дэсё: ка* 'Учитель, вы тем девочкам тоже так преподавали?' Направленность действия от 2-го лица к 3-му, несмотря на наличие косвенного объекта, также выражена формой глагола — вспомогательным глаголом *кудасару*, так как говорящий — ученик, обращаясь к учителю, говорит о его действиях по отношению к ученикам. Однако, поскольку выражение вежливости основано на обозначении себя как «низшего», а собеседника (и конкретное 3-е лицо) как «высшего», эти же формы могут приобретать грамматическое значение, обозначая направленность действия от 1-го лица ко 2 и 3-му, и наоборот — от 3 и 2-го к 1-му: *мттэкитэ агэмас* 'я вам принесу'; *мттэкитэ кудасаимасита* 'вы мне принесли (он мне принес)'. Глагол *курэру*, стилистически более нейтральный в отношении вежливости, индифферентнее к грамматическому лицу, чем *агэру* и *кудасару*.

§ 45. К служебным единицам языка относятся послелogi, союзы, связки и собственно частицы.

Послелог — корреспондирующая с предлогом в европейских языках лексически самостоятельная служебная единица языка. Все послелogi имеют отчетливо выраженное лексическое значение. Японские послелogi восходят к знаменательным словам — именам и глаголам; есть несколько чистых послелогов китайского происхождения, имеющих в своем составе компонент *и* (以); они примыкают к основе имени: *сэнсо: ирай* 'со времени войны', *Ко:бэ игай* 'кроме Кобэ' и т. п. Отыменные послелogi требуют родительного падежа имени, отглагольные — большей частью дательного, некоторые — соединительного и винительного. Среди отыменных характерна группа послелогов, обозначающих относительное положение в пространстве и во времени. Такой послелог образует склоняющееся словосочетание: *покэтто-но нака* 'в кармане'; *покэтто-но нака-ни аримас* 'находится в кармане' (*ни* — суффикс дательного падежа в локативном значении); *покэтто-но нака-кара торидасу* 'вынуть из кармана' (*кара* — суффикс исходного падежа: букв.: 'из-в кармана', ср. русское 'из-под чего-либо'). Те отыменные послелogi, которые имеют абстрактные лексические значения, утратили склоняемость — *тамэ[ни]* 'ради, из-за, для', *хока[ни]* 'кроме' и т. д. Большинство отглагольных послелогов имеют абстрактное лексическое значение: *цуйтэ* 'о', *кансйтэ* 'относительно' и т. п. Для них характерно наличие двух форм — приглагольной и приименной. При подчинении имени часть отглагольных послелогов принимает суффикс *но*, другие же, не вполне превратившиеся в послелogi, — определительную глагольную форму.

§ 46. Большинство союзов — сочинительные, подчинительных имеются единицы. Союзы разделяются на препозитивные: *оёби* 'и', *сикаси* 'но' и т. п. и постпозитивные: *то*, *я*, *си* и т. д. Для соединения членов предложения, выраженных существительным или субстантивизированной частью речи, употребляются одни союзы, например соединительный союз *то*; для соединения же глаголов, или предикативных прилагательных, или имен со связкой — другие, например соединительный союз *си*, противительный *га*. О подчинительных союзах см. § 87.

бачка' — указывает, что предложение — одночлен, оно лишено исходной части, и интонационной паузы между подлежащим и сказуемым в нем нет.

сюссэйдэ-но хитори 'один из присутствующих'; г) предмета к признаку: кину-но иро 'цвет шелка'; 2) качественного определения в самом широком смысле: юки-но ёру 'снежная ночь'; гин-но кусари 'серебряная цепочка'; 3) количественного определения: мицуну мадо 'три окна'; хитонигирино суна 'горсть песка' (определением служит хитонигири 'горсть'); 4) определения по местоположению: ниси-но сорано ю:баз 'заря на западном небосклоне' (ниси 'запад' определяет сора 'небо', а ниси-но сора определяет ю:баз 'зарю'); кадо-кара гокэмме-но йз 'пятый дом от угла'; 5) субъекта: ро:до:сяно ко:ги 'протест рабочих', ю:кава-но хаккэн 'открытие Юкава'; 6) объекта, косвенного и прямого: хэйва-но кё:и 'угроза миру'; дэнва-но хацумэй 'изобретение телефона'; 7) приложения: Кадзуса-но кун 'провинция Кадзуса'; ани-но Таро: [мой] брат Таро'; 8) изъяснения: сэнсо:но кё:и 'угроза войны'; миндзоку докурицу-но даймокухё: 'великая цель — национальная независимость'. Определения последних двух типов подчиняются также при помощи частицы тойу: «Иэ» тойу сё:сэцу 'роман «Семья»'; фуса тойу кикэн-о харанда мондай 'вопрос, чреватый опасностью — блокадой'.

Те отношения к имени, которые не могут быть переданы формой родительного падежа, выражаются иными способами.

Первый способ состоит в соединении двух падежных суффиксов: существительное в форме косвенных падежей, за исключением дательного, винительного и исходно-сравнительного, принимает добавочно суффикс родительного падежа: О:сака-дэ-но кигё:ка 'промышленники в Осака'; Нихон-кара-но имин 'переселенцы из Японии'; кикин-то-но то:со: 'борьба с голодом' и т. п. Форма э-но в последние годы широко применяется для указания не только направленности движения, что является ее прямым значением, но и косвенного и даже прямого объекта: Кю:сю:э-но рёко: 'поездка на Кюсю'; хэйва-э-но мити 'путь к миру'; дзайсэй-э-но эйкё: 'влияние на финансы' (эйкё:суру 'влиять' управляет дательным); тайсю-кара сонсэй-э-но хихан 'критика массами сельской администрации' (хиан-суру 'критиковать' — переходный глагол).

Однако, хотя в системе склонения но — падежный суффикс, в этом случае природа его иная. Но — элемент, превращающий в определение категории слов, которые никаких других форм склонения не имеют, как например порядковые числительные, наречия, деепричастная форма глагола. В отрыве от всех других форм склонения но, выполняя формальную функцию родительного — подчинения имени в самом широком атрибутивном смысле, во всех этих случаях должно рассматриваться не как суффикс склонения, а как словоизменитель-

ное атрибутивное окончание. И можно полагать, что и в формах кара-но, э-но и других но играет такую же роль, а не является вторичной падежной формой.

Вторым способом является использование послелогов: ока-но уэ-но йз 'дом на холме' (уэ 'на' — отыменный послелог); сицумон-ни тайсуру котэ 'ответ на вопрос' (тайсуру — здесь в переводе 'на' — определительная форма отглагольного послелога тайситэ 'по отношению к...').

§ 53. Определением к имени может быть и глагол. В современном языке глагол не имеет особой определительной формы: в формах изъявительного наклонения, настоящего расширенного и прошедшего времени (весьма редко в форме настояще-будущего), но за исключением формы с мас в настоящем времени (не могут быть определением и связи да, дэс), глагол приобретает функцию определения, находясь на определенном месте в предложении, т. е. предшествуя существительному. При этом возможны разные типы соотношения действия, обозначаемого глаголом, с определяемым.

1. Определяемое — субъект действия: хатараку нёнин 'трудящаяся женщина' (букв.: 'женщина [которая] трудится').

2. Определяемое — объект действия: сэнрё:-ситэ тоти 'оккупированная территория'; по существу глагол здесь — сказуемое определительного предложения с опущенным подлежащим: 'территория (которую) оккупировали'; в книжном стиле в этом случае пассивное значение иногда выражается при помощи частицы токоро, например: кэйкаку-ситэ токороно дзо: сан 'запланированное увеличение производства'; при этом глагол лишен указания на субъект действия.

3. Действие имеет различное косвенное отношение к определяемому, в частности определяет его назначение: хон-о кау канэ 'деньги на покупку книги' (букв.: 'деньги купить книги'); сангё-о фукко-сасэру хо:хо: 'методы восстановления производства' (букв.: 'методы восстановить производство').

4. Действие раскрывает содержание определяемого. В этом случае определение обычно имеет после себя частицу тойу или в книжном стиле тоно и еще более книжно — но: тойу муйка сю:го:-субэси тойу мэйрэй 'приказ шестого собраться'; со:гоно рикай-о ёини-суру тоно риэки 'польза, состоящая в облегчении взаимопонимания' (букв.: '[состоящая в том, что-бы] облегчить...'); футатаби кококу-о миру-но таносими 'радость снова увидеть родину'. Кроме того, определением может быть и деепричастная форма глагола, которая в этом случае принимает окончание но (пример см. в § 61).

Прочие части речи — числительные, имеют определения, наречия, — являясь определениями, имеют опреде-

лительную форму: *мицуно мадо* 'три окна'; *дайгоно сицумон* 'пятый вопрос'; *хаккири-сита хацуон* 'отчетливое произношение'; *матано хи* 'еще один день' (от наречия *мата* 'опять') и т. п.

§ 54. Приглагольное определение, иначе называемое обстоятельством образа действия, характеризующее процесс действия или состояние, выражается наречием и прилагательным в наречной форме, а также глаголом в форме деепричастия и существительным в творительном, реже соединительном падежах, иногда с некоторыми послелогом или в форме основы с некоторыми специально наречными суффиксами и частицами: *данкото кё:дзэцу-суру* 'решительно отказать'; *каруку уцу* 'слегка ударить'; *хидзё:ни симпай-суру* 'чрезвычайно беспокоиться'; *вараттэ катаэру* 'смеясь ответить'; *мэката-дэ уру* 'продавать на вес'; *цуо-то киэру* 'исчезнуть, как роса' (такое значение соединительного падежа сохранилось преимущественно в устойчивых выражениях); *и-но мама цукау* 'использовать по желанию' и т. п.

Прилагательное в наречной форме определяет глагол либо по характеру протекания процесса, либо по признаку объекта, появляющемуся в результате действия (а также по признаку субъекта, выявляющемуся в процессе действия): *кабэ-ни цуёку буцукару* 'сильно удариться об стену'; *кабэ-о сирокунуру* 'покрасить стену в белый цвет' (букв.: 'бело'; ср. русск. 'вымыть стол чисто'). Все эти определения отвечают на вопрос *икани?* 'как?'

Глагол может иметь еще один тип определения: это субъектное определение при глаголе, а также при сказуемом склоняемого предложения; в последнем случае, как уже указывалось, обычно имеется субстантивизирующая частица, что создает смешанную предикативно-именную форму (пример см. в § 73, 74): *ани-но катта хон* 'книга, купленная братом' (букв.: '[которую] купил брат'), *ани-но* — родительный падеж (ср. конец § 55).

§ 55. Определением к прилагательному могут служить наречия степени: *канари ёй* 'довольно хороший', *гоку коннана* 'весьма затруднительный'. Но есть особый тип словосочетания, сравнительно малоупотребительный, где существительное может быть определением к прилагательному, которое в этом случае имеет значение заместителя этого существительного: *киттэ-но фуруй-но-о ацумэру* 'собирать марки [только] старые' — здесь *киттэ* 'марки' в родительном падеже соотносится с *фуруй-но* 'старые' (подразумевается марки же) так же, как в случае *сюссэки-но хитори*, т. е. как множество относится к своей части. Такой тип определитель-

ного словосочетания выделяет прилагательное, которое иначе, являясь определением, было бы заслонено определяемым.

Кроме того, прилагательные могут иметь субъектное определение в тех же позициях, что и глагол. Предикативные прилагательные имеют его особенно часто, и в этом случае любое из них может служить определением. Например *о:й* и *сукунай* 'быть (или иметься) в большом (малом) числе', неспособные быть определением сами по себе, получают эту способность при указании на субъект: *иси-но о:й мити* 'каменистая дорога' (букв.: 'дорога [где] много камней') и т. п.

§ 56. Дополнением к глаголу чаще всего служит существительное, им может быть и наречное имя, а также синтаксически субстантивизированный глагол и прилагательное (см. § 62).

Глагол подчиняет дополнение непосредственно при помощи падежной формы или через посредство послелога; однако послелоги слабоуправляемы, так как их широкое употребление — явление последних десятилетий.

Падежами дополнений при глаголе являются все косвенные падежи, за исключением родительного; кроме того, существительное в исходно-сравнительном падеже — специфическое дополнение прилагательного и при глаголе встречается редко. Падеж прямого объекта — винительный, косвенного — дательный и совместный. В творительном падеже может стоять дополнение, обозначающее орудие действия, в творительном и исходном — дополнение, обозначающее объект, вовлеченный в действие: *ки-о уэру* 'сажать деревья'; *кодомотати-ни миягэ-о кау* 'купить детям подарки'; *ю:ваку-то татакау* 'бороться с искушением'; *якубун-о гэмбун-то тайсё:суру* 'сопоставлять перевод с оригиналом'; *вэйру-дэ као-о какусу* 'прикрыть лицо вуалью'; *сакэ-о комэ-дэ цукуру* 'делать водку из риса' (букв.: 'рисом'); *ко-тэцу-кара сэйсаку-суру* 'изготавливать из стали' и т. д.

Глаголы, имеющие дополнение в винительном падеже со значением прямого объекта, являются переходными, т. е. выражающими активное действие, направленное на объект. Однако такая характеристика не вполне подходит ко всем переходным глаголам.

Во-первых, имеется группа переходных глаголов, подлежащим при которых всегда служит одушевленное существительное, а дополнением, без которого такие глаголы не употребляются, слово, обозначающее орган или часть тела; эти глаголы обозначают не активное действие, а психо-физическое состояние; их переходность является чисто фор-

мальной. Перевод таких глаголов на русский язык в словарной форме невозможен: *карэ ва юби-о харасйтэ иру* 'у него распух палец', однако *харасу* — переходный глагол, параллель к *харэру* 'пухнуть', а *юби-о* 'палец' — прямое дополнение к нему; *карэ ва нодо-о итамэтэ иру* 'у него болит горло', причем *итамэру* — переходный глагол, параллель к *итаму* 'болеть', а *нодо-о* 'горло' — прямое дополнение к нему (в данном случае некоторой аналогией формы *нодо-о* является русское 'руку' в выражении 'руку больно', но 'больно' — безлично, а глагол *итамэтэ иру* имеет подлежащее, субъект, формально — действия, по сути — состояния).

Во-вторых, ряд глаголов образует со своим прямым дополнением тесное единство, в котором лексическое значение глагола сильно ослаблено, так что он приближается к глаголообразующему форманту; таков, например, *какэру* (в прямом значении 'вешать что-либо куда-либо') в словосочетаниях *дэнва-о какэру* 'звонить по телефону', 'телефонировать', *баккин-о какэру* 'наложить штраф', 'штрафовать' и т. д. Глагол с наиболее общим значением — *суру* 'делать' при существительных, в частности канго, означающих имя действия, превратился в глаголообразующий формант: *ронсо*: 'дискуссия, дискутирование', *ронсо-суру* 'дискутировать'. По стилистическим причинам *суру* может и обособиться: *ронсо-о суру* 'вести дискуссию'. Но и в этом случае при видимой самостоятельности глагола и дополнения это словосочетание неполноценно. На основе тесной связи глагола с прямым дополнением, при ослаблении его прямого лексического значения, образовался ряд фразовых единств.

§ 57. Особый тип дополнения — субъектное дополнение. Наиболее отчетливо оно выступает только в предложении, а не в изолированном словосочетании — это субъект при глаголах в потенциальном залоге, в страдательном залоге в значении потенциального и изредка при глаголе в желательном наклонении: *кодому-ни кандзи-га какэнай* 'детям не написать иероглифов'. Субъект действия имеет форму дополнения в дательном падеже также при глаголе в страдательном и побудительном залоге. Глагол как бы расщепляется на две части: его вещественная часть имеет субъектное дополнение в косвенном падеже, а формальная имеет подлежащее. В первом случае, при глаголе в страдательном залоге, дательный субъекта действия обозначает источник состояния — подобное значение дательный имеет и в дополнениях при некоторых непереходных глаголах, означающих состояние: *амэ-ни нурэру* 'промокнуть от дождя', *ацуса-ни курусиму* 'страдать от жары'. Такая трактовка дополнения

подкрепляется тем, что в книжном стиле оно может иметь форму исходного падежа: *то:кёку-кара амари дзю:си-сарэтэ инакатта рёкангё:ся* 'содержатели гостиниц, не состоявшие под достаточно строгим надзором властей' (*дзю:си-суру* 'стро-го надзирать', *дзю:сарэру* 'быть строго надзираемым'; *то:кёку-кара* 'власти' в исходном падеже, субъект действия глагола *дзю:си-суру*). Во втором случае, при глаголе в побудительном залоге дательный субъекта действия обозначает косвенный объект побуждения. Наконец, только в предложении появляется субъектное дополнение в дательном падеже при некоторых непереходных глаголах, в частности при глаголе *ару* 'быть, иметься'. Дополнение при глаголе *ару* в дательном падеже, если им является одушевленное существительное, означает субъект обладания: *карэ-ни кодомо-га ару* 'у него есть дети', *кими-ни дзю:га ару ка?* 'у тебя есть ружье?'. Но при такой форме субъекта подлежащим не может быть существительное, означающее часть того целого, которое им обозначено. (При таком подлежащем субъект имеет форму общего падежа: *карэ ва кататэ сиканай* 'у него только одна рука'.)

§ 58. Особенностью склонения является то, что место, в котором, по которому, в направлении которого, от которого, до которого происходит движение, указывается непосредственно падежной формой — соответственно дательным и творительным ('в'), винительным ('по'), дательным и падежом направления ('в направлении'), исходным и винительным ('от, из'), предельным ('д'). Если местонахождение уточняется отыменным послелогом, то сам послелог должен принять форму падежа. Этой особенностью объясняется то, что часть зависимых от глагола слов, обозначающих место, оказывается тесно связанной с глаголом и поэтому должна рассматриваться как дополнение места. Это всецело относится к дополнениям в винительном падеже при непереходных глаголах движения в обоих пространственных значениях винительного: *сора-о тобу* 'летать по небу', *мати-о тацу* 'отправиться из города'. С одной стороны, такие дополнения иногда настолько тесно связаны с глаголом, что без них глагол даже имеет другое значение (например, *тацу* без такого дополнения значит 'вставать'); с другой стороны, с винительным падежом в отрыве от глагола связывается в первую очередь значение прямого объекта. По этим двум причинам такие дополнения не обособляются. Дополнения места в дательном направлении, падеже направления и исходном при тех глаголах, лексическое значение которых требует указания на место в этих значениях, обычно тоже тесно связаны с глаголом и входят

в его группу: *нивакаамэ-дэ акия-ни какэкому* 'из-за внезапного дождя вбежать в пустой дом'; *киси-кара ханарэру* 'отойти от берега' (о лодке). Самостоятельное лексическое значение падежа направления и исходного допускает обособление таких дополнений, однако на практике оно редко встречается. Наоборот, слова, обозначающие место, где протекает действие, т. е. стоящие в дательном или творительном падежах места, являются типичными обстоятельствами места (или времени), которые могут относиться к предложению в целом и обособляться в начале предложения.

§ 59. Глаголу может быть подчинено несколько второстепенных членов — разнородные дополнения, одновременно и определение, и обстоятельство. В этом случае нормальным порядком слов, не выражающим какого-либо подчеркивания, является такой, при котором ближе к глаголу стоит второстепенный член, теснее других связанный с ним по смыслу, и поэтому, в частности прямое дополнение обычно ближе к глаголу, чем косвенное, а дополнения ближе, чем обстоятельства. Однако при желании некоторого выделения любой второстепенный член может быть придвинут к сказуемому, так что по существу внутри группы, подчиненной глаголу, порядок слов свободный. Одинаково возможно и *ёку фудэ-дэ кандзи-о каку* 'хорошо писать кистью иероглифы', *фудэ-дэ кандзи-о ёку каку* 'писать кистью иероглифы хорошо' и *ёку кандзи-о фудэ-дэ каку* 'хорошо писать иероглифы кистью'.

§ 60. Выше (в § 54) указывалось, что действие может определяться признаком объекта или субъекта. К этому же типу принадлежат обстоятельства количества, отвечающие на вопрос 'как много?', т. е. определяющие глагол количественным признаком дополнения или подлежащего. В § 24 отмечалось, что для числительных такая позиция наиболее характерна, в особенности для числительных в сочетании с мерой длины, объема и т. п.: *хон-о сансацу кау* 'купить три книги' — здесь *сансацу* — обстоятельство при глаголе 'купить в количестве трех', совершенно так же, как обстоятельством является наречие *такусан* 'много' — *такусан кау* 'купить много', и *санри* 'три ри' в *санри окурэру* 'отстать на три ри'. Однако такое обстоятельство семантически связано с существительным, означающим исчисляемый предмет, и чаще всего следует непосредственно за ним (однако ср. пример в § 74).

Числительное может быть и дополнением: *усаги самбики-о икэдотга* 'поймал трех зайцев'; в этом случае предметное дополнение имеет форму общего падежа и образует с числи-

тельным неразрывное словосочетание, подчиняющееся глаголу, как одно целое.

§ 61. Связь определения с определяемым и дополнения с управляющим им словом не зависит от того, каким членом предложения эти последние являются. Иными словами, любой член предложения может быть главным членом словосочетания, которое таким образом может разрастаться. Ограничимся здесь примерами распространенных определений: *фудэбутони ироирона яго-о кайта андон-о дасита онадзйэ:на из* 'одинаковые дома, вывесившие фонари, [на которых] были жирно написаны (букв.: 'написали' — неопределенно-личная форма) различные названия лавок' (здесь *ироирона* — пятая ступень подчинения). В частности, глагол в деепричастной форме в тех сравнительно редких случаях, когда он служит определением, для чего принимает окончание *но*, как правило, имеет подчиненные слова или даже подчиненное предложение: *дзибун-но ми-ни кикэн-га сэматта но-о ситэно одороки* 'испуг от знания (букв.: 'испуг, узнав'), что опасность надвигается на меня самого'; *ситтэ* — деепричастная форма глагола *сиру* 'знать, узнать'.

§ 62. Для структуры предложения имеет значение то обстоятельство, что глагол и прилагательное могут уподобляться имени в своем отношении к последующему слову, не теряя своих признаков как части речи по отношению к предшествующим словам, благодаря самой комбинации с субстантивизирующими частицами, из которых самой универсальной является *но*. В данном случае не имеется в виду ни значение просубстантивного причастия, которое может иметь глагол в сочетании с *но*, ни значение заместителя существительного, которое может иметь прилагательное в сочетании с *но*, так как в употреблении глагола и прилагательного в этих значениях в японском языке нет ничего специфического, что бы отличало его от употребления форм аналогичного типа, например в русском. Здесь имеется в виду, во-первых, то, что глагол и прилагательное с *но* могут иметь значение индикатива, а это дает возможность субстантивизации целого предложения. Следовательно, целое предложение может выполнять в другом предложении те же функции, которые свойственны существительному, т. е. служить подлежащим, дополнением и именным сказуемым (см. об этом в § 73, 74, 76). Во-вторых, такая синтаксическая субстантивизация важна и для простого предложения, где инфинитив наравне с существительным выполняет функцию подлежащего и дополнения, т. е. синтаксически выступает как именная часть речи: *сакэ-о ному но-о ямэру* 'перестать пить водку'; здесь *ному но-о* 'пить' —

прямое дополнение; *хонъяку-суру-ни муцукасий хон* 'книга трудная для перевода'; здесь *хонъяку-суру-ни* 'переводить' — косвенное дополнение.

§ 63. Главными членами предложения являются три: подлежащее, сказуемое и слово-тема; второстепенными — определение (приименное и приглагольное), дополнение и обстоятельства.

Соответственно простое нераспространенное предложение может состоять: из двух членов — подлежащего и сказуемого и из трех членов — слова-темы, подлежащего и сказуемого.

Согласно твердому порядку слов, подлежащее предшествует сказуемому; слово-тема стоит в начале предложения.

Главные члены предложения и их соотношение характеризуются следующим.

§ 64. Сказуемое не согласуется с подлежащим ни в лице (за исключением некоторых форм его выражения, ограниченных употреблением в диалогической речи), ни в числе: *ватакуси ва бонъяри хася-но фуэ-о маттэ ита* 'я рассеянно ждал свистка к отправлению'; *карэра ва кикоку-но хи-о мати-ни маттэ ита* 'они с нетерпением ждали дня возвращения на родину'. Обязательным признаком сказуемого в самостоятельном предложении является то, что в нем выражены время и наклонение. Глагол и предикативное прилагательное имеют формы, в которых выражаются эти категории, и в этих формах они могут служить сказуемым без связки. Однако, как уже упоминалось, и при этих сказуемых связка иногда употребляется (см. § 35,5). Сказуемое может быть выражено и любой другой частью речи, в частности существительным, числительным, непредикативным прилагательным в сочетании со связкой, которая выражает время, наклонение и модальность (если связка отсутствует, сказуемое неполное, т. е. наблюдается эллипсис части сказуемого). Связки *да*, *дэс* не имеют отрицательных форм, поэтому для выражения отрицания применяется отрицательная форма глагола *ару* — *аримасэн* (суффикс *най* к *ару* не присоединяется) или предикативное прилагательное *най* с предшествующей частицей *дэ*; *ару* с предшествующим *дэ* употребляется в письменном стиле и в положительном обороте. Между частицей *дэ* и *ару* или *най* может стоять *ва* — частица тематического выделения, или *мо* — в значении союза и подчеркивающей частицы: *Маэгава то Хатия-но тити то ва мата то наки синъяю: дэ ва атта* 'Маэгава и отец Хатия были исключительными друзьями'; *сорэ ва инфурэ-но сайдзю:ё:на гэнъян дэ ва най* 'это не самая важная причина инфляции'; *карэ ва сэйдзика дэ мо ари гундзин дэ мо ару* 'он и полник и военный'. При

средином именном сказуемом *дэ* несет функцию соединительной формы связки (пример см. в § 80). Поэтому можно сказать, что в *дэ ару*, *дэ най* (*дэ аримасэн*) выражение самой предикации (связывание присвязочного члена с подлежащим) передается посредством *дэ*, а утверждения или отрицания, времени и наклонения — посредством *ару* или *най* (*аримасэн*). Функция *ва* после *дэ* и состоит в том, чтобы отнести к тематическому подлежащему все, кроме утверждения или отрицания, причем *ва* при отрицании встречается гораздо чаще (см. такой пример в следующем параграфе).

§ 65. Подлежащее имеет две формы.

1. Подлежащее может стоять в именительном падеже, т. е. иметь суффикс *га*, — это форма, в которой существительное может быть только подлежащим и ничем иным (оговорку см. ниже). Однако подлежащее в этой форме неполноценно — оно не может нести на себе тематического ударения, не может выражать исходной части высказывания, т. е. не может выражать того, что является естественным для подлежащего. Такое подлежащее входит в группу тематического сказуемого, ввиду чего между ним и сказуемым не бывает интонационной паузы, и в этом смысле можно сказать, что оно подчинено сказуемому. Впрочем, оно может и целиком нести на себе предикативное ударение.

Здесь, кстати, следует указать, что в старом языке суффикс *га* был суффиксом родительного падежа; в современном языке он сохранился в этом значении в нескольких устойчивых служебных словосочетаниях книжного стиля, например *корэ-га тамэ* 'из-за этого'.

Хотя суффикс *га* стал употребляться как суффикс именительного падежа еще несколько столетий назад, все же форма, образованная при помощи этого суффикса, до сих пор является функционально ограниченной формой именительного, поскольку эту форму может иметь не всякое подлежащее, а только такое, которое неспособно выполнять все функции подлежащего. *Дарэ-ни мо оситэ мораванай но дэс. Боку-га кангаэтэ цукутта но дэс* 'Никто меня не научил. Я сам придумал и сделал'; *...сядай-га угойтари, доко:-но хантэн-но сусо-га хирацуйтари, хосой сэнро-га синаттари...* '...кузов раскачивался, полы курток землекопов развеивались, узкая колея извивалась...' — здесь слово с *га* — подлежащее в предложениях-одночленах, т. е. состоящих только из тематических сказуемых; *торокко-но уэ-ни ва.. доко:-га футари татадзундэ ита* 'на вагонетке... стояли двое рабочих' — предложение двучленное, но исходной частью является обстоятельство места, подлежащее входит в группу тематического сказуемого.

То, что при подлежащем в именительном падеже исходным моментом является сказуемое, становится особенно явным при некоторых случаях отрицательного оборота: *тйо:сё-кигё:-номи-га миндзоку сихон дэ ва най* — в этом предложении не при заданном подлежащем отрицается сказуемое, а наоборот, при заданном сказуемом отрицается подлежащее, на что и указывают суффикс *га* при подлежащем и частица *ва* — после связки; отрицается то, что 'национальным капиталом являются только средние и мелкие предприятия', т. е. порусски надо сказать: 'национальным капиталом являются не только...' и т. д. (если бы исходить из подлежащего, получилось бы что 'только средние и мелкие предприятия не являются национальным капиталом!').

2. Подлежащее может стоять также в форме общего падежа, которая в старом языке была его единственной формой. В современном языке подлежащее в форме общего падежа обычно имеет после себя частицу — подчеркивающую, ограничительную и т. п.: *кими мо соко-ни ита но ка?* 'и там был?' Очень часто за подлежащим следует частица тематического выделения *ва*. Эта частица не определяет синтаксической позиции слова, за которым она следует — она может следовать и за словом-темой, и за прямым дополнением в общем падеже, и за косвенным дополнением, и за обстоятельством, и за присвязочным членом; *ва* только показывает, что слово, за которым она следует, входит в группу тематического подлежащего или им является. Это означает, что предложение, где какой-либо член или какие-либо члены сопровождаются частицей *ва*, двучленно. Таким образом, не частица *ва* придает существительному функцию подлежащего — эту функцию существительное может выполнять и без *ва*; частица *ва* только указывает, что грамматическое подлежащее есть вместе с тем и тематическое подлежащее: *...тэцудо:-фусэцу-но ко:дзи-га хадзиматта но ва Рё:хэй-но яцуцуну тоси датта*. Рё:хэй *ва* майнити мурахадзурэ-э соно ко:дзи-о кэмбүцу-ни итта '...работы по проведению железной дороги начались, когда Рёхэю было восемь лет. Рёхэй каждый день ходил на окраину деревни смотреть на эти работы'. Во втором предложении Рё:хэй *ва* — исходная часть высказывания. Так как общий падеж — форма и подлежащего, и прямого дополнения, и слова-темы (и, кроме того, для существительных, означающих временные понятия, — форма обстоятельства), а *ва* несет функцию не грамматической связи, а тематического выделения, то при полноте функций такого подлежащего в самой его форме нет ничего, что соотносило бы его со сказуемым

как подлежащее. Рё:хэй *ва* мурахадзурэ-э итта 'Рёхэй пошел на окраину деревни' — здесь Рё:хэй *ва* подлежащее; *ко:ри ва энгава-э ойтэ окймасыта* 'корзину (букв.: 'корзина') [я] поставил на галерею' — здесь *ко:ри ва* — слово-тема (потенциальное прямое дополнение); *хару ва инака-э икимас* 'весной [я] поеду в деревню' — здесь *хару ва* — обстоятельство времени; *пуратина ва кикиндзоку дэс* 'платина — благородный металл' — здесь *пуратина ва* — подлежащее; *ися ва дзики коно ёкотё: дэс* 'врач — это прямо в этом переулке' (букв.: 'прямо этот переулок') — здесь *ися ва* — слово-тема (пример на прямое дополнение в общем падеже с частицей *ва* см. в первом предложении текста, стр. 91).

§ 66. С л о в о - т е м а — это слово, начинающее собой предложение как исходная часть высказывания, но не являющееся в нем ни подлежащим, ни второстепенным членом. Его форма — тот же общий падеж, большей частью с последующей частицей *ва*, реже с какой-либо другой подчеркивающей или ограничительной частицей, при очень сильном выделении — с частицей *нара* (ср. § 85).

1. Слово-тема может находиться в различных смысловых отношениях с остальной частью предложения. Во-первых, оно может быть темой предложения в целом, не находясь ни в каких определенных смысловых отношениях с его подлежащим или сказуемым: *мotto кувасий кото ва хонрэки-о миру-га ёй* 'что касается дальнейших подробностей (букв.: 'дальнейшие подробности')', [то] надо посмотреть астрономический календарь'; *куру кяку мо каватта ироирона сюруй-но нингэн-га кйта* 'что касается посетителей (букв.: 'и приходящие посетители')', [то] приходили самого различного рода люди'. Существительное, являющееся словом-темой, часто может быть потенциальным прямым дополнением. При таком соотношении в письменном стиле слово-тема, в особенности если это возможное прямое дополнение, иногда повторяется в виде местоимения: *кодай-но гэнго мо то:дай-ни тэки-синай бубун ва канарадзусимо торадзу, госэ-но моно дэмо тэкито:-то кангаэта моно ва корэ-о тотта*. В этом предложении слова: *кодай-но гэнго мо* 'и древний язык', *то:дай-ни тэки-синай бубун ва* 'неподходящая к современности часть'; *госэ-но моно дэмо* 'хоть нечто для будущего', *...тэкито:-то кангаэта моно ва* 'то, что считали подходящим' — все это существительные (с определениями) в общем падеже, т. е. отношение их к следующим за ними глаголам, в частности сказуемым, грамматически не выражено. Сказуемых с явно подчиненными им словами два: *канарадзусимо торадзу* 'не обязательно брали' и *корэ-о тотта* 'это брали'. Только исходя из смысла слов, мож-

но *бубун ва* определить как дополнение к *торадзу*, а *госэ-но моно дэмо* — как дополнение к глагольному определению *тэкито:-то кангаэга*. Однако *кодай-но гэнго мо* и *госэ-но моно дэмо тэкито:-то кангаэга моно ва* не связаны с глаголом ни как подлежащее (предложение неопределенно-личное), ни как дополнение, поскольку первое сказуемое имеет прямое дополнение *бубун ва*, а второе — *корэ-о*, причем *корэ* 'это' замещает второе слово-тему — потенциальное прямое дополнение: 'вот и древний язык: неподходящую к современности часть не обязательно брали, а то, что считали хоть чем-то подходящим для будущего, ту брали'.

Японские грамматисты указывают, что школьные педанты, считая структуру типа *цукуэ ва ки-нитэ цукуру* 'стола [их] делают из дерева' грамматически неправильной, предлагали для приведения в соответствие формы существительного с глаголом придать последнему форму страдательного залога: *цукуэ ва ки-нитэ цукуру*²⁷. Это интересно как свидетельство того, что даже таким педантам не приходило в голову создать это соответствие приданием существительному формы винительного падежа: *цукуэ-о ки-нитэ цукуру*, — и понятно почему: предложение лишилось бы тематического подлежащего, каким в неопределенно-личном предложении может быть только слово-тема и каким существительное *цукуэ* 'стола' по смыслу и должно быть.

2. Но слово-тема может соотноситься и непосредственно со сказуемым или со сказуемым и подлежащим, входящим в его группу (т. е. имеющим форму с *га*), как субъект состояния или эмоции, обозначающих сказуемым (при этом подлежащее по смыслу большей частью — объект), или как субъект признака (при этом подлежащее обычно выражает часть по отношению к целому, обозначаемому словом-темой). В этом типе предложений, который является особенно широко распространенным, слово-тема не может быть повторено в виде местоимения. Слово-тема в значении субъекта состояния при сказуемом в потенциальном залоге, желательном наклонении или сказуемом, выраженном некоторыми переходными глаголами, альтернирует с субъектным дополнением в дательном падеже. Но при сказуемом, выраженном прилагательным, при именном сказуемом, при многих формах фразовых единств, состоящих из подлежащего с *га* и сказуемого, структура со словом-темой является единственной формой выражения: *ка-рэ ва онгаку-га дайсуки да* 'он очень любит музыку'; *карэ ва канэ-о ё-и-суру хицудэ-га атта* 'ему (букв.: 'он') необходимо было (букв.: 'была необходимость') приготовить деньги'; *ано*.

²⁷ Нитэ — частица и *цукуру* — глагольная форма письменного языка.

кабан ва каги-га аримас 'у этого чемодана (букв.: 'этот чемодан') есть замок'; *коно мусэ ва мэ-га курой* 'у этой девушки (букв.: 'эта девушка') черные глаза' и т. п.

3. Во всех случаях, когда имеется подлежащее в именительном падеже, с которым соотносится сказуемое, совершенно ясно, что предшествующее подлежащему первое существительное с *ва* не подлежащее. Как видно из примеров, приведенных в начале параграфа, и при отсутствии грамматического подлежащего это первое существительное не соотносится со сказуемым как подлежащее. Оно безусловно не является определением (даже в тех случаях, где могло бы им быть по смыслу), потому что как определение должно было бы иметь суффикс *но*. Оно и не дополнение (опять даже в тех случаях, где могло бы им быть по смыслу), потому что как дополнение должно было бы стоять в форме какого-либо косвенного падежа (прямое дополнение может стоять в форме общего падежа, но если оно отнесено к началу предложения и имеет после себя *ва*, оно является словом-темой). Это существительное и не обстоятельство, так как только существительные с временным значением в функции обстоятельства имеют форму общего падежа, а речь идет о существительных с иным значением. (Встречаются случаи, когда словом-темой служит существительное, по смыслу являющееся обстоятельством места. Так как обстоятельства места, чем бы они ни выражались, имеют падежную форму или сочетаются с соответствующим послелогом — *Кё:то-дэ*, *Кё:то-ни*, *Кё:то-ни ойтэ* 'в Киото', — то, если такая падежная форма или послелог отсутствуют и существительное с подобным значением стоит в начале предложения в общем падеже с частицей *ва*, это и означает, что оно в предложении не служит обстоятельством.) Наконец, на примерах было показано, что бывают случаи, когда такое существительное, стоящее в начале предложения, и не могло бы быть введено в предложение даже с изменением его формы. Это и вызвало необходимость как-нибудь назвать этот член предложения. Слово-тема — наименование, пригодное при любом соотношении этого члена с остальной частью предложения. Японские грамматисты именуют его в некоторых типах таких предложений «общим подлежащим», предлагались и термины «главное подлежащее», «обособленное подлежащее» и др., но именно использования термина «подлежащее» для члена предложения, как раз не являющегося подлежащим, поскольку с ним не соотносится сказуемое, и следует избегать.

Как было изложено, соотношения слова-темы с остальной частью предложения разнообразны. Благодаря этому струк-

тура предложения, формулой которой является «...ва...-га» (хотя... -га в нем может и не быть), чрезвычайно распространена и в письменном стиле и в разговорной речи.

§ 67. Сказуемое—обязательный член законченного, хотя бы и неполного предложения. Это не означает, что не возможен эллипсис сказуемого; но отсутствие сказуемого всегда ощущается, как эллипсис. Поэтому он всегда определенным образом окрашивает предложение: либо это особый стилистический прием письменного стиля, применявшийся еще в классической поэзии (так называемое *тайгэндомэ* 'остановка на тайгэне', т. е. заканчивание предложения именем, обычно при эллипсисе связи), либо это особый грамматический тип предложения—назывное предложение, либо, наконец, вольность непринужденной разговорной речи. *Рэнгэдзи-дэ ва гэсюку-о канэта. Сэгава Усимацу-га ... кариу кэто-ни сита хэя тойу: но но ва соно курицудзуки-ни ару никай-но кадо-но токоро* 'При храме Рэнгэдзи сдавались комнаты. Комната, которую Сэгава Усимацу ... решил снять, [представляла собой] место на углу мезонина в жилой пристройке храма'; в этом предложении слова *никай-но кадо* 'угол мезонина' служат определением к существительному *токоро* 'место', заканчивающему предложение. *Дзимбэй-но из. Дайнаредомо китанаки хякусёя* 'Дом Дзимбэя. Большой, но грязный крестьянский дом' (авторская ремарка в пьесе). *Ун-га ёкатта но да нэ. Орэ ва, касурикидзу хитоцу ованакатта но да.—Соситэ со-но гакусэй-но ката ва?* 'Вот повезло! Я то не получил ни одной царапины.—А тот студент?'

Однако стремление иметь сказуемое даже в неполном предложении столь велико, что при помощи связи в сказуемое может быть превращен любой потенциальный член полного предложения. Надобность такого превращения придавала связи способность следовать за формой любого падежа, за послелогом и т. д. *Дарэ-га кита ка? Рю:кити дэсё:* 'Кто пришел? Вероятно, Рюкити'. Рюкити—здесь сказуемое, но потенциально—подлежащее предложения: *Рюкити-га китэ-та. Токэй-о ... токэй-о ... каэситэ кудасай.—Дарэ-ни дэс, дарэ-ни дэс?* 'Часы ... часы ... верни ... —Кому, кому?'; *дарэ-ни дэс? Ийэ, кокё:-кара да* '[Он] вернулся с курорта?—Нет, из родных мест'; *кокё:-кара да* 'из родных мест'—потенциальное дополнение места. *Дэсукара-сугуни кйтэ кудасай. Сугуни дэс* 'Поэтому приходите сейчас же. Сейчас же'; при повторении обстоятельства наречие *сугуни*, которым оно выражено, превратилось в сказуемое. *Тотэмэ но-до-га кавайта. Вата-*

си мо да. 'Я хочу пить.—Я тоже'—здесь в сказуемое превращено слово-тема (в значении субъекта) недосказанного предложения: *ватаси мо но-до-га кавайта.*

Совершенно иное положение с подлежащим: подлежащее далеко не обязательный член предложения, его пропуск не есть ни стилистический прием, ни вольность разговорной речи. Иначе говоря, эллипсис подлежащего не ощущается как пропуск, как недосказанность. Неполные предложения, лишённые подлежащего, распространены и в обычной разговорной речи, и в книжном стиле. В диалоге (и монологе) весьма часто опускается личное местоимение, а в повествовательной речи—подлежащее, если оно было подлежащим в предыдущем предложении. (Местоимения как заместители существительных, обозначающих предметы и явления, особенно в функции подлежащего, мало употребительны.) Опускается подлежащее и в других случаях. Эта особенность свойственна японскому языку издавна. Например, она характерна для романа конца Х в. «Гэндзи-моногатари», что весьма затрудняет понимание этого текста современным читателем. Некоторое представление о трудности понимания такого текста может дать пример из современного детского рассказа, где речь идет о том, как мальчик пытался поймать кузнечика: *Сотто тикадзуку то, курурито ха-но ура-э маваттэ, аси-но саки дакэ мисэтэ иру. Миги-но тэ-дэ, субаяку ха-то иссёни цукамаэта. Хидари-но тэ-дэ атаmano атари-о цукаму то, атоаси-о фумбаттэ нигэсо: то сита* 'Когда [я] тихо приблизился, [кузнечик], быстро зайдя за лист, оставил на виду только кончики ног. Правой рукой [я] сейчас же схватил его вместе с листом. Когда [я] левой рукой ухватил его за голову, [кузнечик] уперся задними ногами и пытался убежать'. Есть целый разряд предложений, где, как правило, имеется слово-тема в значении субъекта и сказуемое, но нет грамматического подлежащего: *кими ва сирагаатама да* 'ты сед' или 'у тебя (букв.: 'ты') седая голова'—здесь *сирагаатама* 'седая голова'—сказуемое, следовательно, *кими 'ты'*—не подлежащее, а слово-тема в значении субъекта признака. Грамматическое же подлежащее при этом сказуемом невозможно: *кими-но атама ва сирагаатама да* 'твоя голова—седая голова'—невозможное предложение. Точно также *аната ва о-икуцу дэс ка* 'сколько вам лет' (букв.: 'вы—сколько', причем *о-икуцу* 'сколько'—сказуемое); редко применяется форма *аната ва тоси-га о-икуцу дэс (тоси—'лет, возраст')*. Сказуемых, не допускающих или не требующих при себе грамматического подлежащего,—множество.

Трудно не заметить, что в смысле возможности и частоты отсутствия подлежащего японский язык представляет собой диаметрально противоположность западноевропейским языкам, где создались структуры типа *it is cold* 'холодно', *il faut* 'надо', *man sagt* 'говорят'²⁸.

Наряду с такими предложениями, где грамматическое подлежащее отсутствует, хотя предложения личные, имеются и подлинные безличные предложения, например: *мо: осоку наримасйта* 'уже стало поздно'; *аки дэс* 'осень', и неопределенно-личные: *има ва сэкитан ва унга-дэ унсо:суру* 'теперь уголь перевозят по каналу'; *Рэнгэдзи-дэ ва гэсюку-о канэта* 'в храме Рэнгэдзи сдавали комнаты'.

Вместе с тем предложение может быть неполным, несмотря на наличие грамматического подлежащего, если оно принадлежит к типу «... ва ... -га», но слово-тема в значении субъекта опущено. Например, такие предложения, как *тётто атама-га итай* 'немножко голова болит', *нодо-га кавайта* 'хочется пить' (букв.: 'горло пересохло'), предполагают соотносительность с субъектом. И так как субъект в этом случае может иметь только форму общего падежа, т. е. предложение относится к типу «... ва ... -га», а ... ва — в данном случае один из главных членов, отсутствует, поскольку субъект только подразумевается, то предложение грамматически неполное.

§ 68. После всего сказанного должно быть ясно, что в японском предложении из двух главных членов — подлежа-

²⁸ В связи с изложенным здесь интересно обратить внимание на следующее обстоятельство: в японской грамматике с давнего времени до настоящего момента *нари, тари, дэс* и *да* именуются не связками, а особым термином *ситэй дзёдо:си*. *Дзёдо:си* — традиционное наименование глагольных спрягаемых суффиксов, а *ситэй* — термин, применяющийся только в приложении к этим словам; он создан из двух «он'ов»: *си* 'указывать' и *тэй* 'представлять, предъявлять'. О термине *соруа* 'связка' в японской «Лингвистической Энциклопедии» сказано, что «если с натяжкой говорить об этом термине применительно к японскому языку, то это ... ва ... дэ ару» (國語學辭典, 1955, 頁459) и что в строго грамматическом смысле он неской категории подлежащего, так как само существование грамматического падежа, в частности небольшое число случаев, когда отсутствует подлежащего, им не является, с другой стороны, неполные предложения, где связка превращает в сказуемое потенциальное подлежащее, дополнение, обстоятельство, приходится признать, что *да* и *дэс*, действительно, меньше всего связывают сказуемое с подлежащим, т. е. природа этих слов несколько иная, чем природа связки в европейских языках. Видимо, не случайно создались эти особые слова, которые хотя генетически и восходят к глаголу *ару* 'быть', но от него отделились.

щего и сказуемого — безусловно большее значение имеет сказуемое. Что же касается подлежащего, то подлежащее в форме с *га* неполноценно, тематически — всегда, но весьма часто и грамматически, так как в такой форме оно входит во множество фразовых единств, где его самостоятельное значение и функция ослаблены. А подлежащее в форме общего падежа формально неотличимо от других членов предложения, в первую очередь от слова-темы, а по смыслу — в особенности от слова-темы в значении субъекта. Поэтому не приходится удивляться, что среди японских грамматистов существует большое расхождение мнений по этому вопросу. Одни объединяют и подлежащее и слово-тему под названием «общего подлежащего». Другие считают слово-тему в значении субъекта — подлежащим, а грамматическое подлежащее со сказуемым — подчиненным (или придаточным) предложением при нем, не взирая на то, что сказуемое такого предложения не имеет никаких признаков подчиненности (ср. § 76). Третьи, наоборот, утверждают, что слово с *га* — не подлежащее, а субъектное дополнение при глаголе, которое принципиально — по степени связи с глаголом и роли в предложении — не отличается от остальных, в частности объектных, дополнений. Вместе с тем они полагают, что слово с *ва*, стоящее в начале предложения, всегда слово-тема, а если по смыслу оно подлежащее, то это только означает, что опущено замещающее его местоимение в форме именительного падежа, т. е. эти грамматисты ликвидируют в японском языке саму категорию подлежащего. Однако уже из того, что местоимение как заместитель слова-темы в современном языке не употребляется (оно встречается в винительном падеже только в сугубо книжном стиле, а в других падежах не употребляется и там), ясно, что последняя теория является неубедительной. В японском языке есть подлежащее, есть и слово-тема, причем большое распространение слова-темы без повторяющего его местоимения, употребление слова-темы в значении субъекта и наличие двух форм подлежащего, зависящих от тематического задания предложения, представляют собой особенность японского языка. Разумеется, здесь эти явления представлены в самых общих чертах.

§ 69. Второстепенными членами являются определение, дополнение и обстоятельство. О типах определений — приименном и приглагольном — и дополнений уже говорилось в § 51—58. Обстоятельства места, времени, причины, цели и т. п. могут относиться к глаголу в любой функции, но так как часто они относятся не только к самому глаго-

лу, служащему сказуемым, а к предложению в целом, они рассматриваются здесь.

Место второстепенных членов определяется только общим законом предшествования подчиненного слова тому, которому оно подчинено. Этот закон не требует соединения предшествования с примыканием. В частности, обстоятельство во многих случаях предшествуют не только сказуемому, но и подлежащему. В этом случае обстоятельство обычно — исходный момент высказывания, на что указывает не только его место, но и частица *ва*, а подлежащее входит в группу тематического сказуемого: *хирой мон-но сита-ни ва коно отоко-но хока дарэмо инай* 'под широкими воротами, кроме этого мужчины, никого нет' — здесь обстоятельство места — тематическое подлежащее; второе обстоятельство, подлежащее *дарэмо* 'никто' и сказуемое *инай* 'не находится' образуют группу тематического сказуемого; *мо-хая кумиан ундо-но вакунай-ни ойтэ ва какумэйка-сицуцу ару тайсю-но сэйдзитэки-сэйтё-о осаэкирэдзу* 'не будучи в силах в рамках профсоюзного движения задержать политический рост революционизирующихся масс...' — здесь *ва* указывает на то, что обстоятельство относится к предложению в целом, следовательно, оно не входит в группу определения к подлежащему, т. е. не относится к глаголу *какумэйка-сицуцу ару* '[которые] революционизируются'.

Дополнения тоже могут предшествовать подлежащему. Для тех из них, которые по значению приближаются к обстоятельству, это бывает обычным местом даже без тематического выделения: *соно ё:су-дэ боку ва сугуни эмоно-га ару тойу кото-о сирасарэта* 'по его виду [я] сразу понял, что [у него] есть добыча'; косвенное дополнение *соно ё:су-дэ* 'по его виду'. Для прямого дополнения такое место означает интонационное выделение (при желании выделить прямое дополнение тематически его превращают в слово-тему, о чем шла речь в § 66): *дзэндзицу-то ва дай-бу тигатта инсё-о карэ ва укэта* 'он получил очень отличные от прежнего впечатления'. Реже всего предшествует подлежащему приглагольное определение.

Таким образом, в пределах соблюдения вышеназванного закона порядок слов свободный, но он ограничен еще одним положением: приименное определение образует с определяемым неразрывную группу, в которую не может вклиниться никакое слово ни из числа членов главного предложения, ни из другой подчиненной группы.

§ 70. Инверсия, при которой нарушаются указанные выше законы твердого порядка слов, применяется не в

связной повествовательной, а в эмоционально-приподнятой речи. Инверсия обычно сопровождается определенной интонацией: первая часть предложения несет на себе предиктивную интонацию, и после паузы, на письме отмечаемой виде пояснения добавляется инверсированный член: *сасугани ожидать, [они] пошли прахом, эти обещания* (инверсия подлежащего и сказуемого); *сэмэтэ кийтэ кудасай, боку-мою несчастную судьбу!* (инверсия глагола и прямого дополнения); *сорэ ва усо даро: ... ицумо-но* 'это, наверно, ложь ... всегдашняя [ложь]' (инверсия определения и оп-

ределяемого). Нельзя не отметить, что по существу инверсией определения и определяемого является и структура типа *кит-тэ-но фуруй но-о* 'марки [только] старые' (см. § 55); однако грамматически инверсия замаскирована тем, что она оформлена согласно твердому порядку слов; см. также о другой форме инверсии такого же типа в § 73 и 76.

Отметим кстати, что в вопросительном предложении порядок слов не претерпевает никаких изменений, и вопросительное слово, если оно есть, занимает то же самое место, которое занял бы тот член предложения, который оно заменяет.

§ 71. Каждый член предложения обычно выражается определенной частью речи: подлежащее, слово-тема и дополнение — существительным, сказуемое — глаголом и предикативным прилагательным, определение — прилагательным, обстоятельство — наречием и числительным. Как уже говорилось выше и было частично показано на примерах, эти члены предложения могут быть выражены и другой частью речи, в частности в функции существительного может выступать глагол в значении инфинитива. И каждый член предложения может являться главным словом подчиненной ему группы: *майнити ... курай ути-ни сигото-ни цуку кото-га сю-жан-ни наттэ ита* 'у него вошло в привычку ежедневно ... затемно приступать к работе' — здесь подлежащее — глагол *цуку* 'приступать', субстантивизированный частицей *кото*, со своим дополнением и двумя обстоятельством; *сикаси о-Эй-сан то вакарэру, вакарэнай ва (ару токи вакарэру бааи-га ару то ситэ мо), сорэ ва футари-но айда дакэнэ мондай-ни ситай то омоимас* 'расходиться ли с о-Эй или не расходиться (даже если иногда представлялся случай разойтись), это [он] хотел оставить вопросом,

касающимися их одних'—здесь глаголы *вакарэру*, *вакарэнай* служат словом-тем ой; *коно татэ ва дзинруй-но сэй-тё:о катару но-ни тэкитё:на татэ ва ару* 'эта притча, подходящая для [того, чтобы] рассказывать о росте человечества'—здесь субстантивизированный глагол *катару* 'рассказывать'—дополнение в дательном падеже при прилагательном *тэкитё:на*; *итибан тайсэцуна кото ва гэнки-о ёку суру кото да* 'самая важная вещь—сохранять бодрость' (букв.: 'улучшать дух')—здесь *ёку-суру кото* является присвязочной частью именного сказуемого.

Каждый член предложения может быть выражен и предложением, в том числе таким, где субъект указан в форме определения, что не лишает сказуемого значения индикатива. Существуют определительные предложения, склоняемые предложения в функции подлежащего, словатемы и дополнения и предложения в функции именного сказуемого (со связкой).

§ 72. В определительном предложении подлежащее может быть опущено, и это предложение, на первый взгляд, кажется простым определением: *котони ханагассэн-о суру, соно бан-ни ва мё:на ториавасэно хитобито-га ацуматтэ кита* 'особенно в тот вечер, когда играли в «ханагассэн», собралась странная компания'. Уже упоминалось, что в определительных предложениях субъект может быть выражен формой родительного падежа, как правило—только в том случае, если он непосредственно предшествует сказуемому; и особенно часты такие предложения со сказуемым-прилагательным: *дзинко:но сукунай кун* 'малонаселенная страна' (букв.: 'страна, [в которой] население малочисленно'); *нинури-но хагэа хасира* 'столбы [с которых] облупился лак'. Определительное предложение может быть распространенным: *акадзимита мозгироно кэйто-но эримаки-га дарарито тарэсагатта хидза-но уэ-ни ва ...* 'на коленях [куда] небрежно свешивался замызганный зеленый шерстяной шарф ...'. Если определительное предложение раскрывает содержание определяемого (в переводе на русский язык оно превращается в дополнительное придаточное), оно может быть подчинено при помощи частицы *тойу*, в письменном стиле *тоно: арухи Сакио ва симбун-но саммэн-кидзи-но нака-ни коно сакая-но муско-га дзисацу-сита тойу хо:до:о хаккэн-сита* 'однажды Сакио в заметке на третьей странице газеты обнаружил сообщение, что сын владельца этой водочной лавки покончил самоубийством'. Если определительное предложение имеет в конце вопросительную частицу *ка*, оно подчиняется только посредством

но: сорэ ва, нани ка ими-га аттэ то:ти-сарэа моно дэ, татэба ару бунсэцу-ни кё:тё:о куваэа то ка, ару бунсэцу-о токун хаяку айтэ-ни цутаэтай то омотта то ка, но бааи дэ ару 'это инверсировано по смыслу, например в [тех] случаях, [когда] какую-либо часть предложения подчеркивают или когда какую-либо часть предложения хотят сообщить собеседнику особенно быстро'. Два последних неопределенно-личных предложения подчинены слову *бааи* 'случай' как определительные.

§ 73. Предложения, выполняющие функцию подлежащего, как склоняемые, могут иметь субъект в форме родительного падежа, но могут иметь и подлежащее в именительном падеже, причем если такое предложение достаточно распространено, то даже подлежащее в форме общего падежа, и, наконец, подлежащее может быть опущено; форма самого предложения—общий падеж с *ва* или именительный—определяется так же, как форма всякого подлежащего: *боку-но дзю:дзика-о оу но ва фусиги дэ ва най* '[то, что] я ношу крест, [ничем] удивительным не является'; *Миндо:-камбу-ни тайситэ сэккёкутэкина сидо: то эндзё-о кё:ка-ситэ кита но ва соно араварэ дэ ару* '[то, что они] усилили активное руководство и поддержку правления «Миндо», есть проявление этого'; *итимай-но хатакэ-дэ унэ-га готё: мо дзиттё: мо наганага цудзуй-тэ иру но-га сукунаку най* 'нередко случается [что] на одном поле борозды тянутся на пять, на десять тё:'.

Предложение-подлежащее часто появляется в результате инверсии обстоятельства,—инверсии, замаскированной тем, что обстоятельство выступает как сказуемое по отношению ко всей остальной части предложения; таким образом, формально инверсии не происходит, твердый порядок слов соблюден: *тори-но тобитатта но ва дзиссай сугу соба датта* 'птица взлетела фактически совсем рядом'; в неинверсированном виде предложение звучало бы так: *тори ва дзиссай сугу соба-ни тобитатта*, следовательно в первом предложении инверсировано обстоятельство места; *судэни тоти-сэйдё-но кайкаку-га нихон-но:гё:но кайкаку-но сайдзюё:на мондай дэ ару то иварэа но ва, хисасий идзэн-карано кото дэ ару* 'говорилось о том, что реформа земельной системы является важнейшим вопросом реформы японского земледелия уже с давних пор'—здесь инверсировано обстоятельство времени *хисасий идзэн-кара* 'с давних пор'; *тобэй-суру но ва кондо-га хадзимэ да* 'еду [я] в Америку [в] этот раз впервые'—здесь *тобэй-суру* 'еду'—неполное предложение, выполняет функцию слова-те-

мы, подлежащее *кондо-га* 'этот раз', а сказуемое *хадзи-мэ да* 'есть начало'.

§ 74. Предложения, выполняющие функцию дополнения, могут стоять в любом падеже, но чаще всего встречаются в винительном, затем в дательном; субъект в них выражается так же, как и в предложениях, выполняющих функцию подлежащего: *модокасисо-ни ёру-но акэру но мо маттэ ита* '[я] раздраженно ждал [пока] ночь окончится' (букв.: 'рассветет')—*ёру-но акэру*—прямое дополнение к глаголу *мацу* 'ждать'; *нацу-но суэгоро, цубамэ-га дэнсэн я монохосидзао-ни горонпа гураи нарандэ томаттэ иру-но о ёку микакэмас* 'в конце лета часто видишь, [как] на проводах, на шестах для сушки белья сидят рядышком пять-шесть ласточек'; от подлежащего *цубамэ-га* 'ласточки' до его сказуемого *томаттэ иру* 'сидят' все предложение—прямое дополнение к глаголу *микакэмас* 'видишь' (следует обратить внимание на явно обстоятельственную позицию числительного *горонпа* 'пять-шесть'). Предложения-дополнения в дательном падеже: *карэ ва мадзу карэра-но су-но ангайни о:катта но-ни одоройта* 'он прежде всего изумился [тому, что] их число оказалось неожиданно велико'; *ки-га кэндзэнни сэйтё:суру-ни ва онооно эда я ха-га хэндзэнни сэйтё:синакэрэба наран* 'чтобы дерево росло здоровым, нужно, чтобы росли здоровыми каждая ветка и каждый лист'. Более редкий случай—предложения в соединительном и исходно-сравнительном падежах: *соно ёку-нэн-но, яхари Фусако-но тити-но синда-то онадзи нига-цугоро...* 'в следующем году, в феврале, тогда же, когда умер отец Фусако...'—здесь *Фусако-но тити-но синда* 'умер отец Фусако' (с субъектом в родительном падеже, что является явным признаком склоняемости предложения, хотя оно и не субстантивизировано никакой частицей)—дополнение к прилагательному *онадзи* 'одинаковый с чем-либо'; *ю:мэй дэ ару, ю:мэй дэ най-о хё:дзюн то суру-ёри ва докомадэмо дзидо:но ёмимона тоситэ омосирой моно-о эранда* '[мы] не столько руководствовались тем (букв.: 'делали критерием то'), прославлены [ли они] или не прославлены, сколько выбирали то, что интересно как детское чтение'; глагол *суру* с дополнением *хё:дзюн-то* 'делали критерием', имеющий вторым дополнением неполное предложение *ю:мэй дэ ару, ю:мэй дэ най*, без субстантивизации имеет после себя суффикс исходно-сравнительного падежа, что в переводе передано оборотом 'не столько сколько'.

§ 75. Сказуемое подчиненных предложений,

служащих подлежащим и дополнением, отличается некоторыми особенностями.

Первая особенность состоит в том, что сказуемое такого предложения, имеющее подлежащее, может при этом все же иметь значение не индикатива, а инфинитива, иначе говоря—отглагольного существительного (при котором тоже может быть выражен субъект действия, только в родительном падеже), лишённого значения времени и модальности. Благодаря этому подобные предложения могут отражать явления не реальные, а гипотетические, о чем свидетельствует либо сказуемое главного предложения, либо контекст в целом, т. е. приобретать значение условно-предположительное: *камбу-га ко:ю: фу:ни коно мондай-о кай-кэцу-суру кото ва минсююги-но сэйсин-ни хансуру осорэ-га ару* 'существует опасение, что такое решение руководством этого вопроса ('что если руководство так разрешит этот вопрос, это') будет противоречить духу демократии'. О том, что сказуемое предложения-подлежащего не имеет здесь значения индикатива, свидетельствует конец предложения и контекст в целом.

Вторая особенность касается того случая, когда сказуемое предложения-подлежащего или дополнения—именное: при этом связи *дэс, да*, которые не могут в этой форме служить определением, должны быть заменены *дэ ару*; однако на практике чаще встречается не *дэ ару*, а частица *на: соно дзидзицу мо карэ-ни фуюкай датта га, сорэ-о суру сюдзинко:но кимоти-га иканимо фумадзимэ на но-ни хара-о татэта* 'этот факт тоже был ему неприятен, и [он] сердился на то, что настроение героев, [которые] это делали, крайне несерьезно'; если бы предложение не служило дополнением, его сказуемое имело бы вид *фумадзимэ дэс; канодзё-но фукусю:га фукэцу на но мо яхари фукай датта* 'неприятно было и то, что ее платье было грязно'; *тикю:дзё:ни кикин то хинкон-га ару но ва сёкурё:га фусоку на тамэ дэ най* '[то, что] на земле есть голод и нужда, [это] не из-за того, что продовольствия недостаточно'; *тё:до цутомэнин-га сюккин-суру дзикоку на но дэ дэнся ва канари кондзацу-ситэ ита* 'так как был как раз час, когда служащие идут на работу, трамвай был переполнен'. В предложениях с таким сказуемым *на* следует не только за именным прилагательным, но и за существительным, как например, *фусоку* 'недостаток', *дзикоку* 'час, время'. Это можно объяснить только предикативностью частицы *на*, восходящей к связке старого языка *нари*, при ее употреблении в склоняемом предложении. Поэ-

тому японские грамматисты и считают ее супплетивной определительной формой связки *да*, *дэс*.

§ 76. Предложение-сказуемое появляется в том случае, когда при наличии стоящего вне его подлежащего или слова-темы за сказуемым следует связка, предваряемая субстантивизирующей частицей или вопросительной частицей *ка* (при наличии которой надобности в субстантивизации предложения нет), подчинительным союзом или послелогом. Связка после предложения превращает все высказывание в целом в предикат: *ано ото ва дэнся-но то:ру но да* 'этот звук—[это] идет трамвай'; родительный падеж субъекта вызван наличием просубстантивной частицы *но* после сказуемого, а это свидетельствует о том, что *но дэс* здесь входит в предложение функционально, а не является только стилистическим довеском к нему: *дэнся-но то:ру* служит пояснением слова *ото* 'звук' и посредством *но дэс* в целом превращено в сказуемое; *мондай ва иппэнно хо:рицу-дэ гайто:-ни ва фуридасарэру ро:до:ся-но татиба ва до:нару ка да* 'вопрос [состоит в том], каково будет положение рабочих, которые на основании одного закона вышвыриваются на улицу?'; *мохая дзимминтэкина гомокаси я сякайминсюгитэки гисо:-о моттэ ситэ ва коно татакаи-о осаэру кото-га фукано:-ни натта но ва тайсю: ва ано урагиримоно-но ко:до:-га икани хандо:тэки дэ ари, ханкайкю:тэки дэ атта ка-га вакатта но дэ ару* '[то, что] эту борьбу уже невозможно подавить никакими обманами и социал-демократической маскировкой [означает, что] народные массы поняли, какой реакционный и антиклассовый характер носят действия этих предателей'—здесь и сказуемое и подлежащее выражены предложением, причем второе предложение (оно принадлежит к типу... *ва...-га*, поскольку *вакару* 'быть понятным'—непереходный глагол, объект понимания—подлежащее, субъект—в общем падеже с *ва*) служит предикатом первого в том смысле, что раскрывает его содержание, поясняет его.

Весьма часто предложение-сказуемое выражает, в каком именно смысле оно соотносится с предыдущим словом или предложением посредством какого-нибудь служебного слова. Это своего рода замаскированная инверсия подчиненного предложения, когда оно должно быть произнесено с предикативной интонацией, а для этого вынесено на конец предложения и соответственно превращено при помощи связки в грамматическое сказуемое; при этом главное предложение должно предварять его с частицей *за*, указывающей на то, что эта часть—тематическое подлежащее. Наиболее часто инвер-

сируются таким образом подчиненные причинные и временные предложения: *ко:йу сидо:ся-ни тоттэ коно фируму-га омосироку най кото ва сорэра-ни тайситэ сурудой ити-гэки-о куваэтэ иру кара да* 'таким руководителям этот фильм не по душе потому, что [он] наносит им сокрушительный удар'—связка следует за подчинительным союзом *кара*; *Акита-си-э каэтта но ва тити-га синда ато-но кото датта* 'я вернулся в Акита после того, как умер отец'—в сказуемое превращено временное подчиненное предложение *тити-га синда ато*, которое должно было бы предшествовать сказуемому главного предложения.

Предложением-сказуемым может быть и формально самостоятельное предложение: *Ватаси ва дандан ёмэнаку на-римасйта. Намида-га дэтэ дзи-га до:ситэ мо мизэнаку на-ру но дэс. Сорэни коз-га фуруэру но дэс*. 'Я понемногу потерял способность читать (подразумевается—вслух). Слезы навертывались [на глаза] и буквы делались неразличимыми. Вдобавок голос дрожал'. Второе и третье предложения—одночлены, как показывает форма подлежащих, а предложение-одночлен, как известно, всегда есть в целом предикация к подразумеваемому субъекту, обычно ситуации. Здесь ситуация выражена предыдущим предложением, а второе и третье предикативаны не только интонационно, но и грамматически—связкой.

Заметим кстати, что наличие формально выраженных предложений-сказуемых является еще одним аргументом в пользу того, что предложение типа «...*ва...-га*», сказуемое которого никогда не имеет после себя связки, есть особый тип простого трехчленного предложения, а не подлежащее с предложением-сказуемым.

Как упоминалось выше (§ 35, 5), *но* со связкой может следовать за сказуемым, выраженным глаголом и предикативным прилагательным; аналогичная структура имела и в старом языке—связка *нари* в этом случае обуславливала причастную форму сказуемого. Причастная форма была именной, и в современном языке глагол с *но*—аналитическая именная форма. Но смысл этой структуры, конечно, состоит не в формальном моменте уподобления глагола имени, а во вторичной предикации (если можно так сказать), т. е. в соотношении высказывания в целом чему-то выраженному раньше или подразумеваемому. Конкретное значение такой вторичной предикации может быть различным: раскрытием содержания ранее сказанного, объяснением причины и пр. Наконец, эта структура до известной степени формализовалась и нередко употребляется, в частности *но*

дэ ару, в письменном стиле, в стилистической функции. В целом значения *мо да*, *мо дэ ару* после глагола недостаточно изучены.

§ 77. Каждый член предложения может быть представлен вдвойне, втройне и т. д., т. е. в предложении может быть несколько подлежащих, несколько сказуемых, несколько однородных дополнений и т. д.

Согласно общему закону грамматическое оформление получает только последний из сочиняемых однородных членов, предыдущие же стоят в соединительной форме. Конкретно формы сочинения зависят прежде всего от того, каким членом предложения является слово, и затем от того, к какой части речи оно относится. Так, по отношению к определениям в современном языке вышеуказанный закон нарушается, особенно если они выражены прилагательным; если же глаголы употреблены в функции именной части речи (в значении инфинитива), они могут и сочетаться как имена.

§ 78. Существительные не имеют особой соединительной формы, ею служит форма общего падежа, за которой может следовать только союз, но союз не обязателен. Как уже упоминалось в § 46, союзы бывают постпозитивные и препозитивные. Особенностью постпозитивных союзов является возможность повторения союза и после последнего из сочиняемых существительных. При таком повторении падежный суффикс следует за союзом, за исключением тех случаев, когда после подлежащего или после прямого дополнения имеется такой союз, как например *мо, дано*, который в этих случаях требует общего падежа. Значение падежной формы последнего из сочиняемых существительных распространяется на все остальные: *кокка-кэйсацу то тихо-кэйсацу-но рэнраку-га...* 'связь между государственной полицией и местной полицией'; *минсю-сюги-но моцу тэцугаку ва хэйва то тицудзэ то андзэн то-о татэмаз-то ситэ иру* 'философия демократизма кладет в основу мир, порядок и безопасность'; *соно коро ва Митико мо Ёкити мо дзимусицу-ни ита* 'в то время в конторе были Митико, и Ёкити'. Из приведенных примеров видно, что существительные сочиняются таким образом, когда они употреблены и как подлежащие и как дополнения.

Когда глагол в значении инфинитива употреблен как подлежащее, слово-тема или дополнение, он тоже может сочиняться как имя, т. е. в словарной форме и теми же союзами: *коно атарасий кё:ику-сэйдо-о икасу мо коросу мо кокумин-но нэцуи хитоцу дэ ару* 'и поддерживать эту новую

систему образования, и отвергнуть ее, [это] всецело зависит от энергии народа. (В § 71 приведен пример, где глаголы *вакарэру*, *вакарэнай* стоят в словарной форме, соединенные запятой.)

§ 79. Чистой соединительной формой глагола является 2-я основная форма (она же — форма имени действия); в этой форме глагол соединяется с другим глаголом при образовании сложного глагола, и в этой же форме он сочиняется с другим глаголом в любой его функции. Время и наклонение последнего из сочиняемых таким образом глаголов распространяется на все остальные (отрицание выражается каждым глаголом в отдельности, т. е. существуют соединительные отрицательные формы): *хико:ка ва Рондон-о сюппацу-си Мэрубурун-мадэно тотю:дэ...* *Багудадэ, Сингапору-но ни касё-ни тякуруку-синакутэ ва наран* 'летчик должен вылететь из Лондона и по дороге до Мельбурна... сделать посадку в двух местах — в Багдаде и Сингапуре' — здесь соединительную форму приняло первое из двух сказуемых; *сихонсюги-сёкоку-но синка-суру кё:ко-о ими-си тэй-кокусюги рэккё-но ригай-но гэйка-суру сё'тоцу-о симэсу коно мандай...* 'этот вопрос, означающий углубление кризиса в капиталистических странах и показывающий обостряющиеся противоречия между капиталистическими крупными державами...' — здесь соединительную форму имеет первое из двух глагольных определений.

Однако в современном языке соединительная форма употребляется преимущественно в книжном стиле, а в разговорном стиле роль соединительной формы выполняет деепричастие совершенного вида. Образующее деепричастие окончание *тэ* исторически является не чем иным, как соединительной формой суффикса совершенного вида *цу*. Таким образом, первичной функцией деепричастия является именно предикация, функция срединного сказуемого, а обстоятельная функция деепричастия — вторичная, производная, сложившаяся в силу того, что первое из двух обозначаемых действий часто не имеет самостоятельного значения. Деепричастием передается, во-первых, последовательность действий: *дампэнтэкина оmoi га тиратирато кокоро-но соко-ни хирамэйтэ мата киэтэ итта* 'на дне души искорками вспыхивали отрывочные мысли и опять гасли'; *акুরু аса ватаси ва тайгакутодокэ-о кайтэ гакко:атэ-ни окут-та* 'на следующее утро я написал заявление об уходе из школы и послал его в школу'; во-вторых, причинная связь последовательных или сосуществующих действий или явлений: *боку ва окасйку наттэ фукидасйта* 'мне (букв.: 'я')

стало смешно, и я фыркнул'. Эти оттенки значения связи зависят не от формы деепричастия, а от семантики сочиняемых глаголов.

В предложении могут быть употреблены обе формы — и соединительная и деепричастная, и в этом случае использованием разных форм выражается отношение говорящего к разной степени самостоятельности обозначаемых действий: *футари ва тётто татидоматтэ ранкан-э ёри, сорэра-о нагамэта* 'оба, приостановившись, прислонились к перилам и смотрели на них' (значение глаголов вполне допускало бы и такое построение: 'приостановились и, прислонившись к перилам...'); *ватакуси ва N. тайи соно та-ни ацуку о-рёй-о нобэ, сайкай-о катаку яку-ситэ о-вакарэ суру* 'я выражаю горячую благодарность капитану N. и другим и прощаюсь, твердо пообещав вторичную встречу'.

Как уже упоминалось, в определениях закон сочинения однородных членов в современном языке нарушается. Первое из двух глагольных определений нередко имеет определительную форму, соотносящую его непосредственно с определяемым. Если в этих случаях за таким глаголом следует существительное, входящее в группу следующего глагольного определения, то он отделяется запятой: *карэ ва сакки дзibunтати-но то:ттэ кита, рэ:ру-но дзю; о:ни сикарэта исидатами-но хироба-о каэттэ юку о-Эй то Миямото-но сугата-о бакудзэнтэ омоцукабэтэ ита* 'он смутно вспоминал фигуры о-Эй и Миямото, возвращающихся по мощенной камнями площади, [по которой] недавно он сам с ними прошел и [на которой] вдоль и поперек тянулись рельсы' — первое определение к слову *хироба* 'площадь' — *то:ттэ кита* 'прошел' имеет форму не соединительную, а прошедшего времени, т. е. вместе с тем определительную.

§ 80. Соединительной формой предикативного прилагательного в старом языке была форма с окончанием *ку* (по системе спряжения предикативных прилагательных в старом языке — та же 2-я основная форма). В этой форме прилагательное и теперь сочетается с отрицательной связкой *най* и с глаголами-полусвязками, однако при сочетании с полноценными глаголами эта форма превращается в наречную. В функции срединного сказуемого форма с окончанием *ку* в современном языке употребляется исключительно редко, только в письменном стиле: *То:хоку-но:мин-но дзэ:тай ва сёкуминти-то онадзiku, сю:каку ва сукунай* 'положение крестьянства в Тохоку таково же, как в колониях, урожайность низкая' — здесь *онадзiku* — мало-

употребительная форма недостаточного прилагательного *онадзи* 'одинаковый, такой же'.

В современном языке чисто соединительной формой предикативных прилагательных является эта же форма с суффиксом *тэ*, например *коно кавá ва фукакүтэ хирой* 'эта река глубока и широка'. Но при наличии нескольких предикативных прилагательных в функции определения нередко все они сохраняют определительную форму: *сабисисй сэмай то:ри* 'унылые узкие улицы', *яваракай курой цути* 'мягкая, черная земля' и т. п.

Соединительной формой не предикативных прилагательных не только как сказуемых, но и как определений является сочетание с соединительной формой связки *дэ*: *бимбо: дэ бакана рё:си* 'бедный глупый рыбак'. Эта же форма связки может быть применена при срединном именном сказуемом, где присвязочный член — существительное; применяется и *дэ аттэ* (*аттэ* — деепричастие глагола *ару*): *отото ва ися дэ [аттэ], ани ва гундзин да* 'младший брат — врач, старший — военный'.

§ 81. Если несколько определений принадлежат к разным частям речи, то они, как правило, подчиняются имени каждое в отдельности: *усухи-но сасита, самуй, ияна хи* 'бледно-солнечный, холодный, противный день': первое определение — глагол *сасу* 'падать' о лучах в форме прошедшего времени, с субъектным определением при нем — *усухи* 'бледное солнце', второе — предикативное прилагательное *самуй*, третье — не предикативное прилагательное *ияна*; *иро-но сирой, атама-о мидзикаку катта, гимбути-но до-но цуёй мэганэ-о какэта, миру-кара кансякумотира-сий со:бо:-о моттэ ита*. Это предложение грамматически непереводимо: *со:бо:-о моттэ ита* '[он] имел облик', все остальное — четыре определения к слову *со:бо:*, выраженные: первое — прилагательным с субъектным определением 'белый по цвету', второе — глаголом с прямым дополнением, 'остригший коротко волосы', третье — глаголом с дополнением, которое само имеет два определения — 'надевший очки в серебряной оправе и с сильной диоптрией', четвертое — окказиональным прилагательным с дополнением 'на взгляд похожий на раздражительного человека'. Конечно, грамматическая структура русского литературного перевода не может иметь ничего общего со структурой этого предложения.

§ 82. Формы сочинения сказуемых при одном общем подлежащем и при наличии подлежащих у каждого сказуемого одинаковы, поэтому вопрос о сочиненных

предложениях по существу сводится к вопросу сочинения сказуемых. Не только соединительная форма, но и дееспричастие применяются и при сочинении предложений: *инфу-рэ-га синко:ситэ со:ба-га такай* 'инфляция прогрессирует, и курсы [на бирже] высоки'. Сказуемые могут быть соединены и союзами (это возможно и для глаголов в других функциях, но встречается редко): *кэга ва суру си, тити-ни сикарэру си, сандзанна мэ-ни атта* 'и поранился, и отцом выруган, в беду попал'; *коно тиики ва кико: ва ва-руку най си, ко:усэцурё: ва сукунай си камбацу-га най* 'в этой местности и климат не плох, и количество выпадающих осадков немалое, засух нет'; *карэ ва зйго-о ёку ха-наси кацу каку* (книжный стиль) 'он по-английски хорошо говорит и пишет'; *боку ва сакудзицу одзи-сан то до:буцу-эн-э икимасита га, тотэмэ омосирокатта* 'я вчера с дядей ходил в зоосад, было очень интересно'; *кокороатари-э дэнва-дэ кийта га юкуэ-га вакаранай* '[я] расспрашивал по телефону, где попало, но [его] местопребывание неизвестно'.

§ 83. Существует четыре способа подчинения предложений: склонение, местоположение, форма сказуемого, служебные слова.

Предложения-подлежащие и предложения-дополнения, образующиеся склонением предложений, были рассмотрены в § 73, 74.

Определительные предложения, единственным признаком подчинения которых является местоположение, т. е. постановка перед существительным, рассмотрены в § 72.

Об остальных подчиненных предложениях речь будет ниже.

По общему закону подчиненные предложения предшествуют слову, которому они подчинены; из этого следует, что они либо предшествуют главному предложению, либо оказываются в середине его. Причинные предложения, подчиненные союзами *кара* и *нодэ*, часто целиком предшествуют главному; дополнительно-изъяснительные предложения (т. е. раскрывающие содержание речи, мысли, письма) часто располагаются между подлежащим и сказуемым главного предложения. Местоположение остальных зависит от конкретного случая.

Подчиненные предложения, поскольку они подчиненные, как правило, не имеют в своем составе слова-темы, и подлежащее в них не служит исходным моментом высказывания, а потому обычно имеет форму именительного падежа, т. е. с суффиксом *га*. В определительных предложениях, если

субъект непосредственно предшествует сказуемому, а также в склоняемых без ограничения места, как уже упоминалось, субъект принимает форму не подлежащего, а субъектного определения. (О подлежащем в дополнительно-изъяснительных предложениях см. § 88.) Исключением могут служить распространенные причинные предложения, подчиненные союзом *кара*, а также такие же предложения-подлежащие; в них иногда подлежащее является и темой высказывания, ввиду чего за ним следует *ва*, и в таком случае они превращаются в самостоятельные по значимости предложения, только формально подчиненные последующему.

Поскольку любой из способов подчинения предложений связан с его сказуемым, которое либо склоняется, либо, предшествуя, примыкает к существительному, либо принимает особую форму, либо имеет после себя соответствующее служебное слово, постольку конец подчиненного предложения всегда ясен. Но начало его в распространенном и тем более сложном предложении, в начале которого стоит обстоятельство времени или места или глагол в соединительной форме, определяется лишь по смыслу. Только у чисто условных и условно-уступительных предложений начало может быть отмечено частицами: *моси*—у первых, *татэ* или *ёсия*—у вторых.

§ 84. Формы условного наклонения образуют подчиненные предложения, которые имеют одно общее значение: указание на обусловленность одного действия или явления другим. Такое общее определение в особенности соответствует функции формы с суффиксом *ба*. Форма с суффиксом *тара* содержит добавочное значение предшествования этого действия или явления тому, о котором идет речь в главном предложении, но в этом случае есть некоторое ограничение. Однако идет ли речь о действиях, связанных постоянной обусловленностью, или об одном конкретном случае, о действиях, которые реально протекают в настоящем или будут протекать в будущем, или же о действиях предполагаемых, возможных, или, наконец, предположенных, но не состоявшихся,—все это выражается формой главного сказуемого и определяется семантикой сказуемых, смыслом предложения и даже контекстом в целом. *Мусуко-ни сикэй-о сэнкоку-сурэба, хаха-но кокоро-но итадэ ва сёгай наоранай*. Из-за того, что в этом предложении форма конечного сказуемого может означать и расширенное настоящее и конкретное будущее, при общем смысле предложения вне контекста нельзя определить, значит ли оно 'если (когда) сына приговаривают к смертной казни, душевная рана матери никогда не заживает'

или же 'если сына приговорят... рана матери никогда не заживет'. Общий смысл предложения: *коно мама токи-га та-тэба, дзибун мо Масако мо осицубусарэтэ симау!* — свидетельствует о том, что здесь речь идет о конкретном случае: 'если время пройдет так, то и я сама, и Масако, мы погибнем!' Если конечное сказуемое имеет форму прошедшего некатегорического, то предложение получает условно-слагательное значение: *ёку кангаэтара ко:сита кото-ни нара-накатта дэсё*: 'если б я хорошенько подумал, так бы не получилось'. Но если форма конечного сказуемого — прошедшее категорическое, это означает, что речь идет о совершившемся действии: *дайгиси ва... то сицумон-сурэба дзо:сё: ва... то катаэта* 'когда депутат запросил... министр финансов ответил...'

В следующем предложении форма сказуемого тоже не дает возможности судить, имеет ли это высказывание общий характер или речь идет о конкретном будущем, но форма *тара* обычно употребляется при втором значении, а из семантики предложений вытекает, что речь идет не о гипотетическом случае, а о реальном будущем; *нацуни наттара кодомора-о инака-э юкасэру* 'когда настанет лето, детей отправят в деревню'. Но это отнюдь не означает, будто в последних случаях формами *ба*, *тара* выражается временная связь: сами формы указывают только на факт обусловленности, а не на ее характер.

§ 85. Нельзя не обратить внимания на то, что суффикс *ба* восходит к частице тематического выделения *ва*²⁹. Следовательно, в древнем языке одно действие как бы постулировалось в роли темы, а другое выступало как предикат к нему, причем время и модальность предиката выражены при нем самом, как при всяком сказуемом. Дальнейшее развитие значения этого *ва* > *ба* заставляет по-иному оценивать функцию *ва*: частица *ва* как бы указывает, что при условии такого подлежащего (или слова-темы, или обстоятельства) реально именно такое сказуемое. Вот почему *ва* обязательно при противопоставлении, на что указывают все грамматисты: *нацу ва ацукутэ фую ва самуй* 'летом жарко, зимой холодно' (т. е. жарко в одних условиях, холодно в других). Как было указано и показано на примере в § 75, в

²⁹ Частица *ва* пишется は, т. е. *ха*; эта буква последние столетия читается как *ха* только в начале слова (а также в начале второго компонента в составном слове, если нет озвончения), а в интервокальной позиции — *ва* (что, кстати сказать, подчеркивает энклитический характер этой частицы). Озвонченное は (в древнем языке — *па*) и есть *ба*. В письменном-литературном языке *ва* может следовать за суффиксом винительного падежа и тогда тоже произносится *ба*.

предложении-подлежащем речь может идти о гипотетических действиях, т. е. *ва* в этом случае как бы придает ему значение условности. Условное значение может иметь с *ва* и деепричастие: *конна токоро-дэ сирабэтэ итэ ва осоку нару кара, орэ-то иссёни кой* 'если в таком месте заняться розысками, будет поздно, поэтому пойдем со мной'. И наконец, как уже было упомянуто в § 66, более сильное, чем при помощи *ва*, тематическое выделение достигается посредством частицы *нара*. А *нара* 'если' — усеченная условная форма связи старого языка *нари* — *нараба* (т. е. аналогия русскому «если», как известно образовавшемуся от «есть ли»): *боку нара ёрокондэ симас* 'я-то (букв.: 'если я') [это] сделаю охотно'; *фу:кэй нара Мацусима-ни оёбу токоро ва най* 'по видам (букв.: 'если виды') второго такого места, как Мацусима, нет'. И это же *нара* после глагола образует подчиненное условное предложение: *сакэ-о ёсу нара кондо дакэ ва юруситэ яро*: 'если [ты] бросишь пить, на этот раз [я тебя] прошу'.

Из всех этих параллелей должно быть ясно, что в японском языке между формами тематического выделения и выражением условия существует прямая связь.

§ 86. Если формы условного наклонения указывают на обусловленность двух действий, то формы уступительного наклонения, наоборот, выражают их несовместимость. Но идет ли речь о действиях реальных, что означает связь противительно-уступительную, или же о действиях гипотетических, что означает связь условно-уступительную, — это, опять-таки, зависит от формы конечного сказуемого, смысла предложения и от контекста в целом. Само по себе *амэ-га футтэ мо* может означать и 'хотя шел дождь' и 'хотя бы пошел дождь'. *Куни-га тиисакутэ мо самбуцу-га о:кэрэба кикин-но осорэ-га най* 'Хотя бы страна и была мала, но если производительность высока (букв.: 'продукции много'), голод ей не угрожает' — здесь наличие второго условного предложения показывает, что и первое является условно-уступительным; *курусикутаттэ сибаракуно айда датта* 'хоть и было тяжело, но недолго' — здесь форма прошедшего времени показывает, что речь идет не о предполагаемом, а о совершившемся факте, следовательно, первое предложение имеет противительно-уступительное значение.

Возможность выражения при помощи условных и уступительных форм двух значений — обусловленности (или противопоставления) как предполагаемых, гипотетических, так и реальных действий или явлений вызвала, при желании ясности, применение в начале таких предложений частиц

моси и татоз (или ее синонима ёсия): *моси тэнки-га ёкэрэба*, *мё:нити энсоку-га ару* 'если будет хорошая погода (букв.: 'если погода хороша'), завтра состоится экскурсия'; *моси ватаси ва канэмоти даттара сонна кото ва синай* 'если б я был богачом, такой вещи я бы не сделал'; *татоз сорэ-га сон-дзай-ситэ мо яхари кими ва варуй* 'пусть (или 'даже если') это и существует, все равно ты не прав'. Эти частицы сами по себе не выражают ни обусловленности, ни противопоставления (поэтому их ни в коем случае нельзя приравнять к подчинительным союзам), они только предупреждают, что далее следует предположение и что речь идет о гипотетическом случае.

§ 87. Подчинительные союзы производны. Одна часть их восходит к суффиксам и частицам, ставшим самостоятельными, другая — к знаменательным словам, утратившим знаменательность, третья — к служебным словам, которые изменили в этой функции свое значение. Примером первых может служить противительно-уступительный союз *кэрэ-домо* 'хотя, однако', образовавшийся из окончания формы предикативного прилагательного *кэрэ* и суффикса уступительного наклонения старого языка *домо*; причинные союзы *нодэ* и *кара* 'так как, потому что', образовавшиеся первый — из прособstantивной частицы *но* и суффикса творительного падежа *дэ*, второй — из суффикса исходного падежа *кара* и др. Примером вторых может служить уступительный союз *никакава-радзу* 'несмотря на [то, что]', представляющий собой отрицательную форму глагола *какавару* 'зависеть' с предваряющим суффиксом дательного падежа, которого этот глагол требует, *токуроо* 'когда' (об одновременности на коротком отрезке времени), представляющий собой существительное *токуро* 'место' в служебном значении, с последующим суффиксом винительного падежа в таком значении, которого этот падеж в других случаях не имеет. Как пример третьих, можно назвать послелоги *ё:ни* 'как' при образовании изъяснительно-желательных придаточных и *ойтэ* 'в' — в книжном стиле при образовании условных предложений.

Все подчинительные союзы постпозитивны, т. е. стоят в конце придаточного предложения (за одним относительным исключением, о котором см. в § 88). Несколько примеров: *дзэнрёку-о цукусита кэрэдомо сиппайни оватта* 'хотя [я] приложил все силы, кончилось неудачей'; *со:дзо:сий нодэ сукосимо нэрарэнакатта* 'из-за шума (букв.: 'из-за [того, что] шумно'), [я] совершенно не мог заснуть'; *карэ ва субаэку токуро-о каэта* 'он быстро переменял место'; *маэни сёки-о усинаттэ иру токуроо нихон-но кангосоцу-га мицукэтэ кайхо:-*

ситэ ятта 'когда прошлый раз [он] потерял сознание, [его] заметил и подобрал японский санитар'; *цукарэхатэта хито-но ё-ни* 'как очень усталый человек'; *карэ ва дзэхи куру ё:ни иттэ кудасай* 'скажите, чтобы он непременно пришел'; *То:кё:-ни ойтэ* 'в Токио'; *Орандагава-га... вага ё:кю:-о ируру-ни ойтэ ва вага сэйфу ва... ю:ню:-дзо:ка-ни цуки ю:ко:тэки ко:рё:-о харау хо:син дэ ару* 'если Голландия... примет наши условия, наше правительство намерено оказать доброжелательное внимание увеличению импорта'.

Некоторые подчинительные союзы превратились в препозитивные, употребляющиеся в начале самостоятельного предложения; при этом они соединились со связкой или глаголом *суру*, которые как бы замещают отсутствующее придаточное предложение, и таким образом союз формально сохраняет постпозитивность. Таковы *дакара* 'поэтому', *дано-ни* 'однако', *суруто* 'и тогда' и др.

Наряду с подчинительными союзами для подчинения предложений применяются послелоги, которые сохраняют свое обычное значение, например: *маэ* 'перед чем-либо, до чего-либо': *сикэн-но маэ-ни* 'перед экзаменом, до экзамена'; *сикэн-га хадзимару маэ-ни* 'перед тем (до того) как начнутся экзамены'; *тамэ* 'ради, для, из-за': *футю:и-но тамэ* 'из-за невнимательности'; *тэнки-га варуку натта тамэ фунэ-га дэнакатта* 'из-за [того, что] погода испортилась, судно не вышло'.

То, что предложение может принять падежную форму как существительное и может быть подчинено посредством послелога как существительное, свидетельствует о выполнении предложением в этом случае функции развернутого члена предложения. Превращение некоторых падежных суффиксов и некоторых послелогов, приобретших особое значение и особую форму употребления при подчинении предложений, в подчинительные союзы, означает, что этот способ подчинения предложений переосмысливается и создается категория настоящих придаточных предложений.

Наконец, при подчинении предложений применяются некоторые существительные, более или менее сохраняющие знаменательность, некоторые идиоматические выражения, иначе как в этой функции не употребляющиеся: *то:дай-га тахо:-э кайтэн-ситэ ику токи хакугинсёкуно ко:бо:-о хийта* 'когда маяк поворачивался в другую сторону, протягивался серебристый луч'; слово *токи* 'время', которому подчинены все предшествующие слова, как определительное предложение, сохраняет свое значение (можно перевести и 'в то время как...') и форма его — общий падеж — обычна для существительных, обозначающих временные понятия, в функции обстоятель-

ства (*токи* в этих случаях бывает и в форме дательного падежа, что также согласуется с одной из функций этого падежа). *Косё:но най кагири кай-ни сюссэки-симас* 'Я приду на собрание, только если мне ничто не помешает' (букв.: 'не будет препятствий'); *кагири* 'предёл' не сохраняет здесь своего прямого значения, однако в подчиненном ему предложении слово *косё*: 'препятствия', которое должно быть подлежащим при сказуемом *най* 'не имеется, не будет', стоит в форме родительного падежа, как это бывает в определительных предложениях. Следовательно, слово *кагири* ощущается как существительное, а не как подчинительный союз, т. е. еще не полностью превратилось в такой союз. В следующем предложении: *самбан тайко-га нару га хай ка, гохикино умава иссання какэдасита* — быстрая последовательность двух действий передана посредством *га хай ка* (*хай* 'рано' здесь, по-видимому, в смысле 'но [не] раньше ли'): 'не успел в третий раз прозвучать барабан, как пять лошадей помчались во весь опор'. Такого типа идиоматических выражений, применяющихся для связи предложений, имеется несколько; существительных же, более или менее утративших знаменательность и соответственно более или менее превратившихся в подчинительные союзы, имеется значительное количество.

§ 88. Дополнительно-изъяснительные предложения несколько отличаются от прочих.

Они имеют только один способ подчинения — союзом *то*, причем этот союз может выступать не только как постпозитивный по отношению к подчиняемому предложению, но и как препозитивный по отношению к глаголу речи, мысли или письма. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: во-первых, то, что в художественной литературе, в печати, широко применяется графический пробел между прямой речью и *verba dicendi*: если прямая речь заканчивается на половине строки, *то* все же начинается собой новую строку; во-вторых, *то* в соединении с глаголом *йу* 'говорить, сказать' образовал частицу *тойу* и союз *товайэ* 'все же' (между *то* и формой глагола *йу* — *йэ* — вставлена частица *ва*), который может начинать собой самостоятельное предложение. Это могло произойти только благодаря тесной связи препозитивного *то* с этим глаголом, самым употребительным глаголом речи.

Само дополнительно-изъяснительное предложение во всех отношениях, в частности в отношении форм подлежащего и сказуемого, строится как самостоятельное: *о:дзи ва сорэ ва сутэки да то итта* 'дядя сказал, что это великолепно'; пред-

ложение *сорэ ва сутэки да* 'это великолепно' могло бы быть взято в кавычки. Иначе говоря, косвенная и прямая речь не имеют различного грамматического выражения.

Но есть один разряд дополнительно-изъяснительных предложений, в которых вопрос о подлежащем решается своеобразно: это предложения, подчиненные глаголу *омоу* 'думать', глаголу переходному, прямым дополнением при котором служит объект мысли: *ё-но хаканаса-о омоу* 'думать о бренности жизни'. Этот же глагол может иметь дополнение и в соединительном падеже, в значении сопоставления или, точнее говоря, уподобления: *хито-о митара доробо:то омоэ* 'если видишь [чужого] человека, думай [о нем] как о разбойнике' (поговорка, т. е. 'не доверяй незнакомым людям'). Однако если предметом мысли является суждение, выраженное предложением с именным сказуемым, например *карэ ва доцуудзин да* 'он немец', его подлежащее превращается в прямое дополнение к глаголу и не может быть ни повторено как подлежащее, ни иметь после себя замещающего местоимения в именительном падеже: *хадзимэ карэ-о доцуудзин да то омотта* '[я] сначала думал, что он немец' ('думал о нем, что [он] немец'); *Кэнъити ва коно аямари-о табун гудзэн да то омотта* 'Кэнъити думал, что эта ошибка, наверно, случайна' ('думал об этой ошибке, что [она] случайна'). В таких дополнительно-изъяснительных предложениях нет ни подлежащего, ни эллипсиса подлежащего, а прямое дополнение по значению — субъект их сказуемого.

§ 89. Вводные предложения обычно вводятся в главное предложение союзом *га*. Вводное предложение может быть, кроме того, отделено скобками или тире и в таком случае, как упоминалось в § 23, вклинивается между существительным и суффиксом падежа, чем подчеркивается то, что оно как бы стоит вне текста: *гэнгогаку-га кобэццутэки гэнго-о гай-ни сита иппантэки гэнго (соноё:на моно ва дзицу ва сондзай-синай моно дэ ару га)-о кэнкю:суру моно дэ ару то ва кангаэрэрэнэй* 'нельзя думать, что языковед изучает язык вообще (подобной вещи на самом деле не существует), как бы существующий вне отдельных языков'. Но вводное предложение может быть полувмонтировано в текст, так что его нельзя изъять, не нарушая связности последующего: *Эсу ва боку-но мигамаэ-о миру то сугу хаяси-но накани, соко-ни ва кумадзаса-га иппайни хазтэ ита га, соно айда-о касакасато вакэтэ хаиттэ ита* 'Эсу, увидев мою позу, сразу же вошел в лес (там густо рос низкий бамбук) и стал с шорохом сквозь него пробираться'; изъятие вводного предложения сделало бы непонятными последующие слова: *соно айда-о вакэтэ*

‘пробираясь сквозь него’. Как показано на этих примерах, союз *га* применяется в обоих случаях.

§ 90. Модальность предложения может выражаться различными способами. Во-первых, лексически — модальными наречиями типа *осораку* ‘вероятно’, *китто* ‘непременно’ и т. п. Во-вторых, морфологически — формой наклонения (см. § 41). Уже отмечалось (в конце § 38), что особенностью самого изъявительного наклонения является наличие двух модальных форм — категорических и некатегорических. При наличии в предложении модального наречия формы наклонения, как правило, согласованы с ним: *карэ ва табун васурэта но даро*: ‘он, вероятно, забыл’; неуверенность выражена и наречием и аналитической формой глагола. Наконец, модальность может выражаться таким построением предложения, при котором оно формально подчинено заканчивающему его составному сказуемому, реально же это сказуемое служит модальным показателем при предваряющем его предложении. В эти составные сказуемые входят существительные и глаголы, более или менее утратившие знаменательность: *мё:нити ва амэ-ни нару ка мо сирэнай* ‘может быть, завтра будет дождь’; *сирэнай* — отрицательная форма глагола *сиру* ‘знать’ в потенциальном залоге (букв.: ‘нельзя знать [не] будет ли завтра дождь’). Однако фактически глагол *сирэнай* сохраняет знаменательность не более, чем глаголы ‘мочь’ и ‘быть’ в русском «может быть» в его модальном значении. А с другой стороны, в этой же функции и позиции возможна форма прошедшего времени *сирэнакатта*. *Е: да* и *со: да* в конце предложения считаются японскими грамматистами служебными словами: *ё:* — формально существительное, но нигде самостоятельно не употребляющееся, *со:* — наречие (*да* или *дэс* — связка). Первое придает предложению значение вероятности, второе передает ссылку на чужие слова: *мо: каэтта ё: да* ‘[он], кажется, уже ушел’; однако при именном сказуемом *ё:* *да* вытесняет связку, а присвязочный член принимает суффикс *но*, т. е. подчиняется слову *ё:* как имени: *карэ ва тё:сэнбдзин-но ё: дэс* ‘он, по-видимому, кореец’. Таких модальных концовок, не полностью грамматически превратившихся в служебный элемент, имеется несколько. Есть и концовки такого же типа, выражающие не модальность в общепринятом понимании, а оценку автором высказывания в отношении его значительности: *ходо дэс* выражает высокую оценку сказанного, *ни сугинай* умаляет его значение: *тада насубэки кото-о насйта ни сугинай* ‘[я] только сделала то, что следовало сделать, не больше’.

ПРИЛОЖЕНИЕ ОБРАЗЕЦ ЯПОНСКОГО ТЕКСТА (Отрывок из предсмертного письма Акутагава Рюноскэ)

僕はこの原稿を發表する可非は勿論發表する時や機關も君に一任したいと思つてゐる。君はこの原稿の中に出て來る大抵の人物を知つてゐるだろう。しかし僕は發表するとしてもインデキスをつけずに貰いたいと思つてゐる。僕はこの原稿の中では少なくとも意識的には自己辯護をしなかつたつもりだ。最後に僕のこの原稿を持に君に託するのは君の恐らくは誰よりも僕を知つてゐると思ふからだ。(都會人と云う僕の皮を剥ぎさえすれば。)

Боку ва коно гэнко:-о ханпё:-суру кахи ва мотирон, ханпё:-суру токи я кикан мо кими-ни итинин-ситай то омоттэ иру. Кими ва коно гэнко: но нака-ни дэтэ куру тайтэйно дзимбуцу-о ситтэ иру даро:. Сикаси боку ва ханпё:-суру то сйтэ мо, индэйкёсу-о цукэдзун моратай то омоттэ иру... Боку ва коно гэнко:-но нака-дэ ва сукунаку-томо исйкйтэкини ва дзико-бэнго-о синакатта цумори да. Сайгони боку-но коно гэнко:-о токуни кими-ни таку-суру но ва кими-но осораку ва дарэ-ёри мо боку-о ситтэ иру то омоу кара да (токайдзин тойу боку-но кава-о хаги саз сурэба).

Я хочу доверить тебе [решение об]³⁰ уместности опубликования этой рукописи — [это] само собой разумеется, и также о времени и месте [ее] опубликования. Ты, вероятно, знаешь большинство лиц, появляющихся на страницах этой рукописи. Но если [ты] и решишь [ее] опубликовать, я прошу [тебя] не прилагать указателя... Я в этой рукописи не намеревался, по крайней мере сознательно, заниматься самооправданием. Наконец, я поручаю эту рукопись тебе потому, что думаю, что ты, вероятно, знаешь меня [лучше], чем кто-либо другой (если только снять [присущую] мне, городскому человеку, кожу).

³⁰ В квадратных скобках даны слова, отсутствующие в оригинале.

боку 'я'; общий падеж, подлежащее.
 боку-но — родительный падеж, употребляется в значении притяжательном и для обозначения субъекта действия.
 боку-о — винительный падеж.
 ва — частица тематического выделения (см. § 48).
 гэнко-но нака-ни 'в рукописи', ср. § 45.
 гэнко-о — 'рукопись'; винительный падеж.
 да — связка; здесь она превращает предыдущую часть сказуемого, начиная с *кими-но*, в сказуемое к той его части, которая кончается *ва*.
 даро: — форма вероятного настоящего связки *да*; после сказуемого — вспомогательный глагол, выражающий вероятность; *ситтэ иру да-ро*: — сказуемое.
 дарэ-эри мо 'кто'; исходно-сравнительный падеж; однако частица *мо* меняет значение 'кто' на 'всякий, каждый' (в отрицательном предложении 'никто'). Это довольно редкий случай дополнения в исходно-сравнительном падеже при глаголе, а не при прилагательном.
 дзико-бэнго-о 'самооправдание'; винительный падеж.
 дзимбуцу-о 'личность, лицо'; винительный падеж.
 дэтэ-куру 'появляться'; здесь в функции определения.
 индэкису-о — 'указатель' (от англ. *index*, отчего оно написано другим шрифтом — катаканой); винительный падеж.
 итинин-ситтай — желательное наклонение глагола *итинин-суру* 'доверять, поручать'.
 исикитэйки 'сознательно'.
 кава-о 'кожа'; винительный падеж.
 кара — причинный постпозитивный союз.
 кикан 'орган'; общий падеж, прямое дополнение.
 кахи 'уместность'; общий падеж, прямое дополнение.
 кими 'ты'; общий падеж, подлежащее.
 кими-ни — дательный падеж.
 кими-но — родительный падеж; здесь субъект действия, обозначенного глаголом *ситтэ иру*.
 коно 'этот, эта'.
 мо — присоединительный постпозитивный союз.
 мотирон 'само собой разумеется', 'конечно'; наречие, употребленное постпозитивно.
 моратай — желательное наклонение глагола *мору* 'получать'; после деепричастия — это вспомогательный глагол, образующий аналитическую форму страдательного залога, а в желательном наклонении форму, выражающую просьбу.
 но — субстантивизирующая частица; субстантивизирована вся предыдущая часть предложения, начиная со слова *боку-но*; она выступает как подлежащее.
 осоракүва 'вероятно'.
 омоттэ иру — длительный вид глагола *омоу* 'думать'; после некоторых форм глагола, в частности желательного наклонения, *омоу* теряет знаменательность, играя вспомогательную роль для выражения намерения; *итинин-ситтай то омоттэ иру* — сказуемое.
 омоу 'думать'; здесь в значении индикатива, при подразумеваемом подлежащем 'я'.
 сайгоки 'наконец', 'напоследок'.
 саз 'даже'; перед глаголом в условном наклонении означает 'если только'.

сикаси 'но', 'однако'.
 синакатта — отрицательная форма прошедшего времени глагола *суру* 'делать'.
 ситтэ иру — длительный вид глагола *суру* 'знать'.
 ситэ мо — условно-уступительное наклонение глагола *суру* 'делать'; здесь благодаря предшествующей частице *то* в значении 'допустить', 'решать'.
 сукунакутомо 'по крайней мере'; наречие.
 сүрэба — условное наклонение глагола *суру* 'делать', здесь при помощи него спрягается имя действия *хаги*. Такая форма спряжения вместо спряжения самого глагола *хагу* понадобилась для того, чтобы включить частицу *саэ*.
 тайтэйно — применная форма наречия *тайтэй* 'большей частью'.
 таку-суру 'поручать'; здесь в значении индикатива.
 то — частица, предшествующая глаголам речи, мысли и письма.
 тойу — частица подчинения некоторых типов определения; здесь относится к *боку*.
 токайдзин 'горожанин, городской человек'.
 токи 'время'; общий падеж, прямое дополнение.
 токуни 'особенно', 'специально'.
 хаги — форма имени действия глагола *хагу* 'сдирать, срывать'.
 ханпё-суру 'публиковать'; здесь в значении инфинитива.
 цукэдзүни — отрицательное деепричастие глагола *цукэру* 'прилагать'.
 цукэдзүни моратай то омоттэ иру — сказуемое.
 цумори 'намерение'; со связкой *цумори да* 'намерен'.
 я — соединительный постпозитивный союз.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Поливанов Е. Д., *О русской транскрипции японских слов*. «Труды Императорского общества востоковедения», вып. I, Пг., 1917, стр. 15—36.
 Плетнер О. В. и Поливанов Е. Д., *Грамматика японского разговорного языка*, М., 1930, 188 стр.
 Колпакчи Е. М., *Строй японского языка*, Л., 1936, 39 стр.
 Конрад Н. И., *Синтаксис японского национального литературного языка*, М., 1937, 368 стр.
 Холодович А. А., *Синтаксис японского военного языка*, М., 1937, 238 стр.
 Пашковский А. А., *Грамматика японского литературного языка*, Морфология, М., 1941, 116 стр.
 Сыроматников Н. А., *Система фонем японского языка*, Ученые записки Института востоковедения, т. IV, 1952, стр. 278—354.
 Фельдман Н. И., *Иероглифы в современной японской письменности*, «Японско-русский учебный словарь иероглифов», М., 1956, стр. 10—56.
 Кизэда М., *Грамматика японского языка* (пер. с яп.), т. I, М., 1958, 670 стр.; т. II, М., 1959, 272 стр.
 «Японский лингвистический сборник» М., 1959, 290 стр. (На стр. 278—290 приведена полная библиография за 1918—1958 гг.).
 Sanson G. B., *An historical grammar of Japanese*, Oxford, 1928, 347 p.
 Akita Tanakadate, Orestes Pletner, Henri Frei, *Etudes de linguistique japonaise*, «Bulletin de la Maison franco-japonaise», Paris, t. VIII, № 1, 1936, 161 p.
 Macgovern W., *Colloquial Japanese*, L. Paul, 1941, 234 p.
 Hattori Shiro, *The relationship of Japanese to the Ryukyu, Korean and Altaic*

- languages, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», 31 ser. 1, december 1948.
- Hagenauer Ch., *L'écriture japonaise, Notices sur les caractères étrangers*, Paris, 1948.
- Gardner Elisabeth, *Reflections of modern literary Japanese language*, Language Dissertation № 46, 1950.
- Rander J., *Comparative treatment of the Japanese language*, Monumenta Nipponica, vol. VI, VIII, X, 1951.
- Hagenauer Ch., *Morphologie du japonais moderne*, vol. I (Généralités. Mots invariables), Paris, Klincksieck, 1951, 425 p.
- Martin, Samuel E., *Morphophonemics of standard colloquial Japanese*, Baltimore, Ling. Society of America, 1952, 115 p.
- Meissner K., *Einführung in die japanische Umgangssprache*, Wiesbaden, Harrassowitz, 1954, 132 S.
- Martin, Samuel, E. *Essential Japanese*, Rutland—Tokyo, Tuttle, 1954, 461 p.
- Wenck G., *Japanische Phonetik*, Bd 1—2, Wiesbaden, Harrassowitz, 1954.
- Jorden, Eleonor Harz, *The syntax of modern colloquial Japanese*, Dissertation, Baltimore, The Waverly press, 1955, 135 p.
- Wenck G., *Japanische Phonetik*, Bd 3, Die Phonetik des Sinojapanischen, Wiesbaden, Harrassowitz, 1957, 411 S.
- 世界言語概説 (An introduction to the languages of the world), 1955 日本語, 頁 151—305 — См. там же краткую библиографию японской научной литературы о японском языке: по фонетике стр. 159—160, по грамматике стр. 199—200, по лексике стр. 210—211, по диалектологии стр. 237—238, по письменности стр. 260—263, по истории языка стр. 286, по генеалогии языка стр. 301.
- 講座・日本語1—7, 1956—1957. 大書店.
- 現代國語學1—2, 筑摩書房, 1957.
- 日本文法講座, 明治書院1—15, 1957—1958

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	7
Фонетика	14
Лексика	22
Грамматика	28
Предварительные замечания	28
Морфология	31
Синтаксис	51
Приложение	91
Краткая библиография	93

Наталья Исаевна Фельдман

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *Т. М. Швецова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректор *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 20/І 1960 г.
Подписано к печати 31/V 1960 г.
А-06157. Формат 60×92¹/₁₆ Печ. л. 6
Усл. п. л. 6 Уч.-изд. л. 5,77
Тираж 1800 экз Зак. 211
Цена 3 руб. 50 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва И-45, Б. Кисельный пер., 4